

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

А.В. Подгорская

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ**

*Утверждено Редакционно-издательским советом университета
в качестве практикума*

Магнитогорск
2022

Рецензенты:

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательской
Словарной лаборатории
НИИ ИАФ ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
А.А.Осипова

кандидат филологических наук,
учитель русского языка и литературы
ЧОУ «Основная общеобразовательная школа «Исток»
М.А.Чернякова

Подгорская А.В.

История отечественной журналистики XVIII - первой половины XIX вв.

[Электронный ресурс]: практикум / Анна Вячеславовна Подгорская; ФГБОУ
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им.
Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,6 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ
ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем.
требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS
Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ;
мышь. – Загл. с титул. экрана.

Практикум направлен на закрепление теоретических вопросов, связанных со спецификой функционирования отечественных СМИ XVIII- первой половины XIX вв., формирование навыков проведения собственного исследования в области истории журналистики и использования опыта журналистов прошлого в современных реалиях.

Содержит планы семинарских занятий, тесты для самопроверки, список текстов для чтения и конспектирования и вопросы по ним, примерную тематику реферативных работ, список рекомендуемой литературы.

Практикум адресован студентам направления подготовки 42.03.02 Журналистика и содержит материалы по соответствующим разделам дисциплин "История отечественной журналистики", "История журналистики".

УДК 316.77

© Подгорская А.В., 2022

© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ТЕМА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	5
ТЕМА 2. САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1769–1790-Х ГОДОВ.....	8
ТЕМА 3. САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА	11
ТЕМА 4. ГРАЖДАНСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	13
ТЕМА 5. ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА.....	15
ТЕМА 6. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА	18
ТЕМА 7. ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. АЛЬМАНАХИ ДЕКАБРИСТОВ: «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА», «МНЕМОЗИНА»	20
ТЕМА 8. ЖУРНАЛИСТИКА 1826–1830-Х ГОДОВ. ИДЕЙНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ .	22
ТЕМА 9. ЖУРНАЛИСТИКА 1826–1830-Х ГОДОВ.....	25
ТЕМА 10. ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ПУШКИНА	28
ТЕМА 11. ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА	30
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	33
ХРЕСТОМАТИЯ.....	35
М. В. ЛОМОНОСОВ.....	35
Н. И. НОВИКОВ	37
Н.М.КАРАМЗИН	39
А.П. КУНИЦЫН	42
ИЗ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»	43
А.А БЕСТУЖЕВ.....	44
Ф.В. БУЛГАРИН.....	52
Н. А. ПОЛЕВОЙ.....	53
О. И. СЕНКОВСКИЙ.....	55
П.Я. ЧААДАЕВ	61
В.Г. БЕЛИНСКИЙ	66
А.С. ПУШКИН.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий практикум направлен на закрепление теоретических вопросов, связанных со спецификой функционирования российских средств массовой информации XVIII- первой половины XIX веков, формирование навыков проведения собственного исследования в области истории журналистики и использования опыта журналистов прошлого в современных реалиях.

Содержит планы семинарских занятий, тесты для самопроверки, список текстов для изучения и конспектирования и вопросы по ним, примерную тематику реферативных работ, список рекомендуемой литературы. Предназначен для аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы.

Практикум окажет существенную помощь студентам в подготовке к семинарским занятиям.

Цель семинарских занятий: освоение теоретического материала, применение его в качестве инструмента для получения практического опыта и выработки первоначальных навыков профессиональной деятельности.

Задачи занятий можно сформулировать как:

- научить студентов анализировать публицистические тексты, что пригодится им как в редактировании собственных произведений, так и в редактировании произведений штатных и нештатных сотрудников редакции;
- Интегрировать знания, полученные в ходе изучения теоретических курсов, с историческим подходом к изучению природы журналистики, форм журналистского творчества, природы журналистских жанров и обусловленности их видоизменений;
- заложить основу для приобретения навыков журналистской профессии и дальнейшего творческого совершенствования;
- закрепить знания об особенностях журналистской профессии как социально-ориентированной;
- дать представление о традиционных исторически сформировавшихся типах редактора и журналистских специализациях;
- дать представления о тематических, культурных и социальных предпочтениях русской журналистики, сформировавших ее особый облик и менталитет.

Практикум адресован студентам направления подготовки 42.03.02 Журналистика и содержит материалы по соответствующим разделам дисциплин "История отечественной журналистики", "История журналистики".

ТЕМА 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

1.1. Вопросы для обсуждения

1. Типологические особенности петровских «Ведомостей». Развитие газетных жанров в «Ведомостях», источники информации.
2. «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям» и «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» как прообразы научно-популярного и литературного журнала в России: цели изданий, основные темы и жанры.
3. «Рассуждение об обязанностях журналистов...» М.В. Ломоносова как первый этический кодекс российского журналиста.
4. Оппозиционный характер журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Особенности сатирических жанров в издании.

1.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. — 400 с.

1.3. Тесты для самопроверки

1. Русская журналистика заявила о своём существовании
 - а) в 1703 году
 - б) в 1803 году
 - в) в 1812 году
2. «Ведомости» стали издаваться по указанию и при личном участии:
 - а) Петра I
 - б) Александра I
 - в) Павла I
3. Русские «Столбцы» были
 - а) журналом
 - б) поэтическим сборником

- в) рукописной газетой
- г) рукописным альманахом

4. Первая печатная газета в России называлась

- а) «Искра»
- б) «Ведомости»
- в) «Друг народа»
- г) «Вести»

5. Русская газета «Ведомости» впервые вышла в

- а) 1843 году
- б) 1728 году
- в) 1703 году
- г) 1999 году

6. Московский университет был открыт в:

- а) 1755 году
- б) 1745 году
- в) 1765 году

7. Вторая русская печатная газета называлась:

- а) «Московские ведомости»
- б) «Ведомости»
- в) «Куранты»

8. Газета "Ведомости" являлась проводником политики Петра I, направленной на проведение государственных реформ, развитие науки и культуры

- Да
- Нет

9. Герард Фридрих Миллер – инициатор создания первого академического журнала "Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие"

- Да
- Нет

10. Газета "Московские ведомости" являлась изданием Академии наук

- Да
- нет

1.4. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

Ведомости. 1703. № 1; 1708. 20 июля; 1709. 2, 15 июля.

Ломоносов М.В. Рассуждение об обязанностях журналистов.

– по хрестоматии «Отечественная журналистика XVIII-XIX веков»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

Указ от 16/28 декабря 1702 года..... С.4

«Ведомости» (1702-1727) С.4

«Примечания» (1728-1742) Известия о северном морском ходе россиян из устьев некоторых рек, впадающих в ледяное море, для проведывания восточных стран..... С.7

Сумароков А.П. Сон, Счастливое общество..... С.12

1.4.1. Вопросы по текстам к теме № 1

Ведомости. 1703. № 1; 1708. 20 июля; 1709. 2, 15 июля.

1. Назовите годы выхода газеты «Ведомости». Кто является инициатором издания газеты?

2. Зачем уже в первом номере размещена информация о вылитых пушках, гаубицах, мортирах?

3. В каком городе издавалась газета «Ведомости»?

4. Что произошло с газетой «Ведомости» после 1727 года?

«Примечания» Известия о северном морском ходе россиян

5. С какой целью Елисей Юрьев (вместе с командой из 50 человек) отправлен к устью реки Лены?

6. Максимально кратко сформулируйте правила для журналистов, обозначенные М.В. Ломоносовым.

ТЕМА 2. САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1769–1790-Х ГОДОВ

2.1. Вопросы для обсуждения

1. Распространение идеологии Просвещения в Российском обществе и усиление государственного контроля при Екатерине II. Роль Екатерины II в издании журнала «Всякая всячина» и развитии сатирической журналистики.

2. Новатор русской журналистики Николай Иванович Новиков. Просветительская и журнально-издательская деятельность Н. И. Новикова.

3. Резкое обозначение двух направлений в журналистике 1769–1774 гг.: охранительного («Всякая всячина») и оппозиционного («Трутень», «Живописец»). Спор о характере сатиры в русской журналистике 1769–1774 годов: «Всякая всячина» Екатерины II и «Трутень» Н.И. Новикова.

2.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. — 528 с.

2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>

2.3. Тесты для самопроверки

1. Назовите годы правления Екатерины II.

а) 1725-1727	в) 1762-1796
б) 1741-1762	г) 1796-1801

2. В каком году была прекращена деятельность созданной Екатериной II комиссии по составлению Нового уложения?

а) 1767	в) 1769
б) 1768	г) 1766

3. В каком году в Петербурге появляется сразу семь сатирических журналов вслед за журналом «Всякая всячина»?

а) 1767	в) 1769
б) 1768	г) 1766

4. Назовите сатирический журнал, вступивший в открытую полемику со "Всякой всячиной"?

- а) «Праздное время, в пользу употребленное»
- б) «Ни то, ни сию»
- в) «Поденщина»
- г) «Трутень»

5. «Они работают, а вы их труд едите...» – так звучал знаменитый эпиграф к первому номеру какого журнала?

- а) «Трутень»
- б) «Адская почта»
- в) «Смесь»
- г) «Всякая всячина»

6. Установите соответствие редакторов и журналов.

1) М.Д. Чулков	а) «Всякая всячина»
2) Екатерина II	б) «Адская почта»
3) Н.И. Новиков	в) «Трутень»
4) Ф.А. Эмин	г) «И то, и се»

7. Какой из сатирических журналов выступал в роли «бабушки», видя в остальных периодических изданиях своих «внучат»: она журит одних, подбадривает других, советует третьим.

- а) «Всякая всячина»
- б) «Трутень»
- в) «Праздное время, в пользу употребленное»
- г) «Трудолюбивая пчела»

8. Укажите периодичность журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела»

- а) ежедневное издание
- б) еженедельный
- в) ежемесячный

2.4. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

Новиков Н.И.

Ведомости.

Рецепт для г. Безрассуда.

Копия с отписки. Копия с другой отписки. Копия с помещичьего указа.

Отрывок из путешествия в *** И*** Т***.

2.4.1. Вопросы по текстам к теме № 2

Н. И. Новиков «Ведомости»

1. Какие русские разные домашние безделицы будут грузить на французские корабли в обмен на нужные нам привезенные товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, кружевы; перья голландские и прочие модные мелочные товары?
2. Какой рецепт г. Безрассуду предлагает Новиков для нахождения различия между господином и крестьянином? Почему он называет его Безрассудом?

Копия с помещичьего указа. Человеку нашему Семену Григорьевичу!

3. Как должен поступить со старостой Андрюшкой за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк и недоимку?

Отрывок путешествия в*** И*** Т***

4. Как путешественнику удалось прекратить вопль трех оставленных в деревенском доме младенцев
5. Как называлась деревня, в которой оказался путешественник, и в какую – он должен был отправиться завтра?

ТЕМА 3. САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

3.1. Вопросы для обсуждения

1. Сатирическая публицистика Д. И. Фонвизина. Полемика Екатерины II с Д.И. Фонвизиним в «Собеседнике любителей русского слова».
2. Традиции русской сатирической журналистики в журнале И.А. Крылова «Почта духов». Жанровое своеобразие «Почты духов».

3.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов – М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – 400 с.

3.3. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm> :

- 1) Фонвизин Д.И. Вопросы.
- 2) Крылов *И.А.* Письмо осьмое. Письмо первоенадесять. Письмо двадцать четвертое.

– по хрестоматии «Отечественная журналистика XVIII-XIX веков»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

- 3) Д. И. Фонвизин
Всеобщая придворная грамматика..... С.24
Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой формы
государственного правления и от того о зыблемом состоянии
как империи, так и самих государей С.27
- 4) И. А. Крылов «Почта духов»..... С.32

3.3.1. Вопросы по текстам к теме № 3

Фонвизин Д.И. Вопросы.

1. В каком журнале впервые были напечатаны "Вопросы" Д. Фонвизина?
2. О чем вопрос № 20 и в чем скрытый смысл ответа?
3. Кому в действительности Д. Фонвизин адресует свои вопросы? Как иносказательно обозначен адресат вопросов Д.И. Фонвизина?

Крылов И.А. Письмо осьмое. Письмо первоенадесять. Письмо двадцать четвертое.

4. Охарактеризуйте Маликульмулька как сквозного героя журнала И. Крылова "Почта духов".
5. Какие говорящие фамилии придумывает в "Почте духов" И.А. Крылов?

Д. И. Фонвизин. "Всеобщая придворная грамматика"

6. Чему учит "Придворная грамматика" Д.Фонвизина?
7. Какие люди обыкновенно составляют двор и в чем скрытый смысл таких названий во "Всеобщей придворной грамматике" Д.Фонвизина?
8. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени во "Всеобщей придворной грамматике" Д.Фонвизина?

ТЕМА 4. ГРАЖДАНСТВЕННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РУБЕЖА XVIII – XIX ВЕКОВ

4.1. Вопросы для обсуждения

1. Основные идеи статьи А.Н. Радищева «Беседа о том, что есть сын Отечества».
2. «Санкт-Петербургский журнал» И.П. Пнина как орган русского философского и социально-политического радикализма.
3. Краткая характеристика изданий, связанных с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств» (1801–1812). Проблематика и жанрово-стилевое своеобразие публицистики членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».

4.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. — 400 с.

4.3. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии «Отечественная журналистика XVIII-XIX веков»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

- 1) А. Н. Радищев Беседа о том, что есть сын Отечества С.33
- 2) И.М. Борн На смерть Радищева С.46
- 3) В. В. Попугаев Негр С.47
- И. П. Пнин
- 4) Гражданин С.48
- 5) Письмо к издателю С.49
- В. К. Кюхельбекер
- 6) Земля безглавцев С.54

4.3.1. Вопросы по текстам к теме № 4

А. Н. Радищев "Беседа о том, что есть сын Отечества"

1. Кто с точки зрения Радищева достоин наименования сына Отечества (патриота)? Какими чертами он должен обладать?

И.М. Борн "На смерть Радищева"

2. С какой личностью сопоставляет Радищева Иван Борн в некрологе "На смерть Радищева"?

В. В. Попугаев "Негр"

3. Куда и с какой целью ведут негра в очерке Попугаева "Негр"? Зачем дано указание на то, что это перевод с испанского?

4. Какую проблему поднимает в очерке "Негр" Попугаев и как она связана с общественной повесткой России нач. XIX в.

И. П. Пнин. "Гражданин"

5. Кто есть истинный гражданин с точки зрения И. Пнина?

И. П. Пнин. "Письмо к издателю"

6. Переводом с какого языка является "Письмо издателю", опубликованное И.Пниным? Зачем нужно это упоминание?

В. К. Кюхельбекер "Земля безглавцев"

7. В чем смысл названия "Земля безглавцев"? Как статья связана с общественной повесткой России нач. XIX в.?

ТЕМА 5. ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

5.1. Вопросы для обсуждения

1. Журнальная деятельность Н.М. Карамзина. «Московский журнал», «Вестник Европы» 1802–1803 гг.
2. Отечественная война 1812 г. и русская журналистика. Патриотические издания 1812–1813 гг. – «Сын отечества» Н.И. Греча, «Русский инвалид» П.П. Пезаровиуса.
3. Особенности патриотической статьи А.П. Куницына «Замечания на нынешнюю войну».
4. Беседа любителей русского слова» и «Арзамас»: история противостояния.

5.2 Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>

5.3. Тесты для самопроверки

1. Чем знаменито слово «слёзы» в русском языке?
 - а) Именно это слово употреблял в своих сентиментальных произведениях Н.М. Карамзин чаще всего
 - б) Именно в написании этого слова в 1797 году Николай Карамзин впервые использует букву «ё»
 - в) Именно это слово, как особо чувствительное, автор никогда не использовал в своих произведениях.
2. Как назывался первый в истории русской журналистики литературный альманах, издаваемый Н.М. Карамзиным
 - а) Грации
 - б) Титаниды
 - в) Аониды
3. Укажите имя основателя журнала «Вестник Европы»

а) И. П. Пнин	в) Н. М. Карамзин
б) М. М. Херасков	г) В. А. Жуковский

4. Представители какого литературного направления публиковались в «Вестнике Европы» при Н. М. Карамзине?

- а) романтизма
- б) сентиментализма
- в) реализма

5. Кто в истории отечественной журналистики является первый оплачиваемым редактором журнала?

- а) Н.И. Новиков
- б) Н.М. Карамзин
- в) И.В. Попов

6. Какое произведение было создано Н. М. Карамзиным во время поездки по Европе?

- а) "История государства Российского"
- б) "Записки русского путешественника"
- в) "Остров Борнгольм"
- г) "Марфа-Посадница"

7. На какую должность был назначен Н.Карамзин в 1803 г. указом императора Александра I?

- а) камер-юнкера
- б) статс-секретаря
- в) историографа
- г) посла

8. В каком из вариантов указаны годы жизни Николая Михайловича Карамзина?

- а) 1765 – 1825
- б) 1766 – 1826
- в) 1770 – 1829
- г) 1770 – 1831

5.4. Тексты для конспектирования и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И.История русской журналистики (1703-1917) Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

- 1) Карамзин Н.М. Политика. Известия и замечания.
- 2) Куницын А.П. Замечания на нынешнюю войну.
- 3) Из «Сына Отечества». Корреспонденции о военных действиях.

5.4.1. Вопросы по текстам к теме № 5

Карамзин Н.М. Политика. Известия и замечания.

1. О какой войне идет речь в заметке "Известия и замечания", размещенной в журнале "Вестник Европы" ?

Куницын А.П. Замечания на нынешнюю войну.

2. В каком журнале впервые была напечатана статья А.Куницына "Замечания на нынешнюю войну"?

3. На чем основана истинная слава Кутузова с точки зрения А.Куницына?

4. Какое метафорическое описание использует А. Куницын, описывая стратегию военных действий Кутузова?

5. В чем причина сопоставления (в статье А.Куницына) Наполеона и Самсона? В чем сходство ситуаций?

Из "Сына Отечества" Корреспонденции о военных действиях

6. Какой эпизод в статье иллюстрирует смекалку русских казаков, стоявших на часах?

7. За что главнокомандующий русской армии наградил знаком отличия военного ордена простого крестьянина?

ТЕМА 6. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НАЧАЛА XIX ВЕКА ПОЛЕМИКА А.С.ШИШКОВА И Н.М.КАРАМЗИНА О РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

6.1. Вопросы для обсуждения

1. Н.М. Карамзин о необходимости создания русского литературного языка. Вклад писателя в дело формирования русского литературного языка. Авторская позиция Н.М. Карамзина в статье «Отчего в России мало авторских талантов».

2. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма. Критика стилистической системы "нового слога" А.С. Шишковым в статье «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

3. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас»: история противостояния. Отношение современников к идеям А.С. Шишкова. Идеиная подоплека споров о языке в начале XIX в.

6.2 Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.

2. Минаков А.Ю. А.С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма. — <https://cyberleninka.ru/article/n/a-s-shishkov-kak-ideolog-i-praktik-russkogo-konservatizma>

6.3. Тесты для самопроверки

1. Для журналов какого направления были характерны: защита сентиментализма и желание услужить «прекрасным читательницам»

- а) карамзинистов
- б) шишковистов

2. Первый цензурный устав был принят Александр I в 1802 г.

- а) верно
- б) неверно

3. Для журналов какого направления характерно: ориентация на церковнославянский язык и неприязнь к иностранным заимствованиям

- а) карамзинистов
- б) шишковистов

4. Первый цензурный устав, принятый Александром I, является самым мягким цензурным уставом за всю историю русской цензуры

- а) верно
- б) неверно

5. Общество «Беседа любителей русского слова» было создано под руководством

- а) Пётра Ивановича Макарова
- б) Николая Михайловича Карамзина
- в) Александра Семёновича Шишкова
- г) Гавриилы Романовича Державина

6. Соотнесите название журнала и направление, идеи которого они отстаивали: карамзинисты или шишковисты

- а) "Дамский журнал"
- б) "Русский вестник"
- в) "Чтения в Беседе любителей русского слова"
- г) "Московский Меркурий"

6.4. Тексты для конспектирования

Н.М. Карамзин «Отчего в России мало авторских талантов»

А.С. Шишков «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка».

6.4.1. Задание по текстам к теме № 6

Дискуссия на тему: Кто прав в споре "карамзинистов" и "шишковистов"?
Актуальна ли полемика о русском литературном языке в наши дни?

ТЕМА 7. ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. АЛЬМАНАХИ ДЕКАБРИСТОВ: «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА», «МНЕМОЗИНА»

7.1. Вопросы для обсуждения

1. Своеобразие альманахов декабристов: «Полярная звезда», «Мнемозина», «Русская старина».
2. Разработка основ декабристской эстетики в литературных обзорах А.А. Бестужева.

7.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>

7.3. Тесты для самопроверки

1. Какое из перечисленных изданий не является альманахом?

а) «Невский зритель»	в) «Мнемозина»
б) «Полярная звезда»	г) «Русская старина»

2. Кому принадлежала инициатива издания «Мнемозины» (1824-1825)?

- а) В. К. Кюхельбекеру
- б) В. Ф. Одоевскому
- в) Ф. В. Булгарину
- г) А. А. Бестужеву-Марлинскому

3. Когда произошло восстание на Сенатской площади?

4. В каком периодическом издании печатались знаменитые обозрения русской литературы А. А. Бестужева?

- а) "Полярная звезда"
- б) "Мнемозина"
- в) "Невский зритель"

5. Кто из декабристов был казнен после поражения восстания в 1825 году?

- а) П. Пестель, К. Рылеев, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин, П. Каховский.

- б) С. Трубецкой, В. Кюхельбекер, М. Лунин, И. Муравьев, И. Долгоруков.
в) С. Волконский, А. Одоевский, А. Бестужев, Ф. Глинка.

7.4.Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И.История русской журналистики (1703-1917)
Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта:
Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

- 1) Бестужев А.А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов.
- 2) Муравьев Н.М. Любопытный разговор.
- 3) Муравьев-Апостол С.И. Православный катехизис.

7.4.1. Вопросы по текстам к теме № 7

Бестужев А.А. "Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов".

1. Где впервые была опубликована статья *Бестужева А.А. "Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 гг."*?
2. Каков (с точки зрения А.Бестужева) был первый век словесности всех народов?
3. Каким (с точки зрения А.Бестужева) был этот первый словесности в России?
4. В чем причины специфического развития словесности России (с точки зрения А.Бестужева)? - должно быть указано минимум три причины.
5. Какие произведения А. Пушкина разбирает в своей статье А.Бестужев?
6. За что А. Бестужев критикует альманах "Мнемозина"? Кто является издателем альманаха "Мнемозина"?
7. Как А.Бестужев оценивает газету "Северная пчела"? Кто является издателем газеты?

Муравьев Н.М. Любопытный разговор.

8. Какое определение "свободе" даёт Н.Муравьев в статье "Любопытный разговор"?

ТЕМА 8. ЖУРНАЛИСТИКА 1826–1830-Х ГОДОВ. ИДЕЙНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

8.1. Вопросы для обсуждения

1. Энциклопедизм в русской журналистике 1820-1830-х гг. Журнал Н.А. Полевого «Московский телеграф»: история создания, программа издания, причина закрытия.
2. Журнал «Телескоп» Н.И. Надеждина: история создания, программа издания, причина закрытия.
3. Философическое письмо П.Я. Чаадаева как детонатор историко-культурной и духовной мысли XIX в.

8.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект — М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов — М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. — 400 с.

8.3. Тесты для самопроверки

1. «Московский телеграф» Н.А. Полевого, «Современник» А.С. Пушкина, «Телескоп» Н.И. Надеждина. — это журналы
 - а) «торговой журналистики»
 - б) «идейной журналистики»
2. В.Г. Белинский считал лучшим журналом от начала журналистики в России:
 - а) «Вестник Европы»;
 - б) «Сын отечества»;
 - в) «Московский телеграф».
3. По содержанию «Московский телеграф» был журналом:
 - а) энциклопедическим;
 - б) литературным;
 - в) политическим.

4. Прогрессивный журнал «Телескоп» возник:

- а) в 1831;
- б) в 1832;
- в) в 1833.

5. «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева было напечатано:

- а) в «Телескопе»;
- б) в «Москвитянине»;
- в) в «Московском телеграфе».

8.4. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии «**Отечественная журналистика XVIII-XIX веков**»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

- 1) Н. А. Полевой Письмо издателя к N N С.66

– по хрестоматии **Есин Б.И.История русской журналистики (1703-1917)** Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.eartist.narod.ru/text4/14.htm>

В.Г. Белинский

- 2) Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы
- 3) Николай Алексеевич Полевой
- 4) Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое.

8.4.1. Вопросы по текстам к теме № 8

Н. А. Полевой «Письмо издателя к N N»

- 1. Как должен писать в современном журнале философ (с точки зрения Н.Полевого)?
- 2. Какой должна быть литературная критика в журнале (с точки зрения Н.Полевого)?
- 3. Какой важный подвиг (с точки зрения Н.Полевого) нужно поставить в обязанность журналисту?

В.Г. Белинский «Николай Алексеевич Полевой»

- 4. Какая первая и главная мысль, которую Н. Полевой начал развивать с энергией и талантом, «оживляла» его журнал (с точки зрения В.Г. Белинского)?
- 5. Почему (с точки зрения В.Г. Белинского) журнал Н.Полевого «Московский телеграф» был «лучшим журналом в России, от начала журналистики»? - должен минимум три аргумента.

Чаадаев П.Я. "Философические письма. Письмо первое".

- 6. В чем состоит одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации (с

точки зрения П.Я. Чаадаева)?

7. Чем заполнена была эпоха юности нашего русского общества (с точки зрения П.Я. Чаадаева)?

8. Почему (с точки зрения П.Я. Чаадаева) у нас нет внутреннего развития, естественного прогресса, а каждая новая идея бесследно вытесняет старые?

9. Какие идеи (с точки зрения П.Я. Чаадаева) составляют атмосферу Запада?

ТЕМА 9. ЖУРНАЛИСТИКА 1826–1830-Х ГОДОВ ТОРГОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

9.1. Вопросы для обсуждения

1. Журналистская деятельность Ф.В. Булгарина.

Газета «Северная пчела» – первое массовое издание в России. Способы завоевания читателя, дискуссии о задачах журналистики.

2. «Библиотека для чтения» – классический «толстый» журнал. О.И. Сенковский как журналист и редактор.

9.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.

2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703—1917) Учебно-методический комплект – М: Флинта: Наука, 2000
<http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>

3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов – М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>

4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – 400 с.

9.3. Тесты для самопроверки

1. Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч и О.И. Сенковский - это:

- а) представители «торговой журналистики»
- б) представители «идейной журналистики»

2. Установите соответствия названий изданий конца 1820-1830-х гг. и имен их издателей:

1. «Северная пчела»	а) Н. А. Полевой
2. «Московский телеграф»	б) О. И. Сенковский
3. «Телескоп» и «Молва»	в) Н. И. Надеждин
4. «Библиотека для чтения»	г) Ф. В. Булгарин

3. Какое из перечисленных изданий в этот период обладало монополией на публикацию политических новостей?

а) «Московский телеграф»	в) «Библиотека для чтения»
б) «Молва»	г) «Северная пчела»

4. Кто из перечисленных журналистов подписывался псевдонимом Барон Брамбеус?

а) Н. И. Надеждин	в) О. И. Сенковский
б) В. Ф. Одоевский	г) Н. А. Полевой

5. О каком печатном органе В.Г. Белинский писал: «... среди мертвой, вялой, бесцветной, жалкой журналистики того времени, он был изумительным явлением... Каждая книжка его была животрепещущею новостью, и каждая статья в ней была на своем месте, была кстати?»

а) «Библиотека для чтения»	в) «Московский телеграф»
б) «Литературная газета»	г) "Северная пчела"

9.4. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии «**Отечественная журналистика XVIII-XIX веков**»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

Газета «Северная пчела»

Внутренние известия.....	С.80
Смесь.....	С. 81
Нравы.....	С. 84
Моды.....	С. 86
Современная политика.....	С. 87
Корреспонденция.....	С. 89
От издателей Северной Пчелы и Сына Отечества к читателям.....	С. 91
Объявление.....	С. 92

О. И. Сенковский

Аукцион.....	С. 92
Теория образованной беседы.....	С. 96

9.4.1. Вопросы по текстам к теме № 9

Ф.В. Булгарин (газета «Северная пчела»)

"Внутренние известия"

1) На страницах газеты "Северная пчела" Ф. Булгарин рассказывает об удовлетворении его просьбы, адресованной начальнику III отделения графу А.Х. Бенкендорфу. О какой просьбе речь?

"Смесь"

2) Что случилось с поселянином, который проглотил ящерицу в окрестностях Пармы?

3) Какой исторический анекдот из жизни Наполеона и французского скупого царедворца Ф. Булгарин размещает в разделе Смесь?

"Нравы"

4) Сравнивая древнегреческого философа Диогена и современного букиниста, Ф. Булгарин рассказывает известный исторический анекдот о встрече Александра Македонского и Диогена. Каково содержание анекдота?

"От издателей Северной Пчелы и Сына Отечества к читателям"

5) Какие способы завоевания читателя обеспечивают газете "Северная пчела" финансовый успех?

О. И. Сенковский (журнал "Библиотека для чтения")

"Аукцион"

6) Куда уезжает автор статьи? И почему он уезжает?

7) Какой лот аукциона никто не купил?

8) за сколько было продано правосудие? Чем за него расплатились?

9) Почему счастье "не пустили в продажу"?

"Теория образованной беседы"

10) Какую беседу автор называет "царицей бесед"? Почему именно её?

ТЕМА 10. ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. С. ПУШКИНА

10.1. Вопросы для обсуждения

А.С. Пушкин – журналист и редактор. «Литературная газета».

Программа журнала «Современник». А. С. Пушкин – редактор и публицист «Современника».

Участие в журнальной полемике 1820–1830-х гг. Жанрово-стилевое своеобразие памфлетов А.С. Пушкина.

10.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. — 528 с.

2. Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917) Учебно-методический комплект – М: Флинта: Наука, 2000
<http://www.eartist.narod.ru/text4/14.htm>

3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов – М. "Высшая школа", 1973. <http://eartist.narod.ru/text3/01.htm>

4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – 400 с.

10.3. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии «Отечественная журналистика XVIII-XIX веков»: Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.

А. С. Пушкин

- 1) О записках Видока С. 68
- 2) Торжество дружбы, или Оправданный Александр А. Орлов С. 69
- 3) Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем..... С. 76

10.3.1. Вопросы по тексту к теме № 10

А.С. Пушкин « О записках Видока»

1) Кто такой Видок? Какие факты биографии Видока, упомянутые А.С. Пушкиным, дают прямые отсылки к фигуре Ф.В. Булгарина?

А.С. Пушкин «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»

2) Кто такой Феофилакт Косичкин?

3) Что стало для А.С. Пушкина причиной написания памфлета «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»?

4) За что А.С. Пушкин «впервые громко одобряет Николая Ивановича Греча?»

5) Какие «два блистательных солнца нашей словесности» сравнивает А.С. Пушкин в этом памфлете?

6) В чем (с точки зрения А. С. Пушкина) причина того, что Александр Анфимович Орлов пользуется гораздо меньшей славой, нежели Фаддей Венедиктович Булгарин?

7) Прочитайте строчки памфлета, в которых Феофилакт Косичкин обвиняет Ф. Булгарина в плагиате на «Бориса Годунова» А.С. Пушкина.

А.С. Пушкин «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем»

8) Сформулируйте информационный повод статьи? Почему она так названа?

9) Кому (с точки зрения А.С. Пушкина) решил «погрозить мизинчиком Фаддея Венедиктовича» Николай Иванович Греч?

10) Почему приведенный в конце памфлета план (выдуманного А.С. Пушкиным) нового романа «Настоящий Выжигин» стал ударом по самолюбию и репутации Булгарина?

ТЕМА 11. ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

11.1. Вопросы для обсуждения

1. Издатель и редактор А.А.Краевский. Журнал А.А. Краевского «Отечественные записки» 40-х годов.
2. В.Г. Белинский – журналист и критик. Особенности творчества.
3. «Письмо к Гоголю» В.Г. Белинского в истории русской общественной мысли.

11.2. Литература

1. История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Д. А. Бадалян, Л. П. Громова, Г. В. Жирков и др.; под ред. Л. П. Громовой. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. — 528 с.
2. Есин Б.И.История русской журналистики (1703-1917) Учебно-методический комплект – М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.evartist.narod.ru/text4/14.htm>
3. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / А.В. Западов – М. "Высшая школа", 1973. <http://evartist.narod.ru/text3/01.htm>
4. Отечественная журналистика XVIII-XIX веков: тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. – 400 с.

11.3. Тесты для самопроверки

1. Обозрения русской литературы за 1846 и 1947 гг. написаны:
 - а) В.Г. Белинским
 - б) А.И. Герценым
 - в) Н.В. Гоголем

2. С какими из изданий в указанный период связана литературная деятельность В. Г.Белинского?

а) «Отечественные записки»	в) «Русский вестник»
б) «Физиология Петербурга»	г) «Сын Отечества»

3. Установите соответствие между названиями изданий и именами их издателей в этот период времени.

1) «Отечественные записки»	а) Ф. В. Булгарин
2) «Москвитянин»	б) А. А. Краевский
3) «Северная пчела»	в) М. П. Погодин
4) «Физиология Петербурга»	г) Н. А. Некрасов

4. Славянофильский журнал:

- а) «Москвитянин»
- б) «Современник»
- в) «Отечественные записки»

5. В каком году были основаны «Отечественные записки»?

а) 1817	в) 1825
б) 1818	г) 1861

6. Назовите имя издателя журнала «Отечественные записки» с1839 года.

7. Какое новое литературное направление развивал в своих статьях В. Г.Белинский?

8. В каком году произошло разделение редакции «Москвитянина» на«молодую» и «старую»?

а) 1841	в) 1850
б) 1849	г) 1853

11.4. Тексты для чтения и конспектирования:

– по хрестоматии Есин Б.И.История русской журналистики (1703-1917) Учебно-методический комплект (Учебное пособие; Хрестоматия - М: Флинта: Наука, 2000 <http://www.eartist.narod.ru/text4/14.htm>

Белинский В.Г.

- 1) Взгляд на русскую литературу 1846 года.
- 2) Письмо к Гоголю.

11.4.1. Вопросы по текстам к теме № 11

Белинский В.Г. "Взгляд на русскую литературу 1846 года"

- 1. Как В.Г. Белинский обозначает главную цель и главный предмет своей статьи ?
- 2. Кто (с точки зрения В.Белинского) стал первым национальным русским поэтом?
- 3. В чем состоит главное обвинение, предъявляемое новому направлению в русской литературе: "натуральной школе"?
- 4. В чем (с точки зрения В.Белинского) состоит отрицательная сторона учения славянофилов?
- 5. В каких двух крайностях проявился в России вопрос о "народности"? какой точки зрения придерживается В.Г. Белинский? (Должно быть две части ответа)

Белинский В.Г. "Письмо к Гоголю"

- 6. Как В.Г. Белинский обозначает причину написания письма к Н.В.

Гоголю?

7. Как называется книга Н.В. Гоголя, которая вызвала негодование В.Г. Белинского? (необходимо найти ответ самостоятельно в Интернете, т.к. в предлагаемом для чтения отрывке этого ответа нет).

8. Какие самые актуальные национальные вопросы, «которыми тревожно занята Россия», называет в этой статье В. Белинский?

9. Кого в статье В. Белинский называет «... проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...»?

10. Почему (с точки зрения В.Белинского) «времена наивного благочестия» для России уже прошли?

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕМАТИКА РЕФЕРАТОВ

1. Типологические особенности петровских «Ведомостей». Развитие газетных жанров в «Ведомостях», источники информации.
2. «Рассуждение об обязанностях журналистов...» М.В. Ломоносова как первый этический кодекс российского журналиста.
3. Оппозиционный характер журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Особенности сатирических жанров в издании.
4. Роль Екатерины II в издании журнала «Всякая всячина» и развитии сатирической журналистики.
5. Новатор русской журналистики Николай Иванович Новиков. Просветительская и журнально-издательская деятельность Н. И. Новикова.
6. Спор о характере сатиры в русской журналистике 1769–1774 годов: «Всякая всячина» Екатерины II и «Трутень» Н.И. Новикова.
7. Сатирическая публицистика Д. И. Фонвизина. Полемика Екатерины II с Д.И. Фонвизиним в «Собеседнике любителей русского слова».
8. Традиции русской сатирической журналистики в журнале И.А. Крылова «Почта духов». Жанровое своеобразие «Почты духов».
9. «Санкт-Петербургский журнал» И.П. Пнина как орган русского философского и социально-политического радикализма.
10. Краткая характеристика изданий, связанных с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств» (1801–1812).
11. Журнальная деятельность Н.М. Карамзина. «Московский журнал», «Вестник Европы» 1802–1803 гг.
12. Отечественная война 1812 г. и русская журналистика. Патриотические издания 1812–1813 гг. – «Сын отечества» Н.И. Греча, «Русский инвалид» П.П. Пезаровиуса.
13. Особенности патриотической статьи А.П. Куницына «Замечания на нынешнюю войну».
14. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас»: история противостояния.
15. Своеобразие альманахов декабристов: «Полярная звезда», «Мнемозина», «Русская старина».
16. Энциклопедизм в русской журналистике 1820-1830-х гг. Журнал Н.А. Полевого «Московский телеграф»: история создания, программа издания, причина закрытия.
17. Журнал «Телескоп» Н.И. Надеждина: история создания, программа издания, причина закрытия.
18. Журналистская деятельность Ф.В. Булгарина. Газета «Северная пчела» – первое массовое издание в России. Способы завоевания читателя, дискуссии о задачах журналистики.

19. «Библиотека для чтения» – классический «толстый» журнал. О.И. Сенковский как журналист и редактор.

20. Программа журнала «Современник». А. С. Пушкин – редактор и публицист «Современника».

21. Издатель и редактор А.А.Краевский. Журнал А.А. Краевского «Отечественные записки» 40-х годов.

22. В.Г. Белинский – журналист и критик. Особенности творчества.

ХРЕСТОМАТИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВ

Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии

Всем известно, сколь значительны и быстры были успехи наук, достигнутые ими с тех пор, как сброшено ярмо рабства и его сменила свобода философии. Но нельзя не знать и того, что злоупотребление этой свободой причинило очень неприятные беды, количество которых было бы далеко не так велико, если бы большинство пишущих не превращало писание своих сочинений в ремесло и орудие для заработка средств к жизни, вместо того чтобы поставить себе целью строгое и правильное разыскивание истины <...>

Журналы могли бы <...> очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний, если бы их сотрудники были в состоянии выполнить целиком взятую ими на себя задачу и согласились не переступить надлежащих граней, определяемых этой задачей. Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину <...>

Вот правила, которыми, думается, мы должны закончить это Рассуждение. Лейпцигского журналиста и всех подобных ему просим хорошо запомнить их.

1. Всякий, кто берет на себя труд осведомлять публику о том, что содержится в новых сочинениях, должен прежде всего взвесить свои силы. Ведь он затевает трудную и очень сложную работу, при которой приходится докладывать не об обыкновенных вещах, и не просто об общих местах, но схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми. Высказывать при этом неточные и безвкусные суждения — значит сделать себя предметом презрения и насмешки; это значит уподобиться карлику, который хотел бы поднять горы.

2. Чтобы быть в состоянии произносить искренние и справедливые суждения, нужно изгнать из своего ума всякое предубеждение, всякую предвзятость и не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами, а в противном случае не смотреть на них, как на настоящих врагов, с которыми мы призваны вести открытую войну.

3. Сочинения, о которых дается отчет, должны быть разделены на две группы. Первая включает в себя сочинения одного автора, который написал их в качестве частного лица; вторая — те, которые публикуются целыми учеными обществами с общего согласия и после тщательного рассмотрения. И те и другие, разумеется, заслуживают со стороны рецензентов всякой осмотрительности и внимательности. Нет сочинений, по отношению к которым не следовало бы соблюдать естественные законы справедливости и

благопристойности. Однако надо согласиться с тем, что осторожность следует удвоить, когда дело идет о сочинениях, уже отмеченных печатью одобрения, внушающего почтение, сочинениях, просмотренных и признанных достойными опубликования людьми, соединенные познания которых, естественно, должны превосходить познания журналиста. Прежде чем бранить и осуждать, следует не один раз взвесить то, что скажешь, для того чтобы быть в состоянии, если потребуется, защитить и оправдать свои слова. Так как сочинения этого рода обычно обрабатываются с тщательностью и предмет разбирается в них в систематическом порядке, то малейшие упущения и невнимательность могут повести к опрометчивым суждениям, которые уже сами по себе постыдны, но становятся еще гораздо более постыдными, если в них скрываются небрежность, невежество, поспешность, дух пристрастия и недобросовестность.

4. Журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе.

5. Главным образом пусть журналист усвоит, что для него нет ничего более позорного, чем красть у кого-либо из собратьев высказанные последними мысли и суждения и присваивать их себе, как будто он высказывает их от себя, тогда как ему едва известны заглавия тех книг, которые он терзает. Это часто бывает с дерзким писателем, вздумавшим делать извлечения из сочинений по естественным наукам и медицине.

6. Журналисту позволительно опровергнуть в новых сочинениях то, что, по его мнению, заслуживает этого, хотя не в том заключается его прямая задача и его призвание в собственном смысле; но раз уж он занялся этим, он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его. Простые сомнения или произвольно поставленные вопросы не дают такого права; ибо нет такого невежды, который не мог бы задать больше вопросов, чем может их разрешить самый знающий человек. Особенно не следует журналисту воображать, будто то, чего не понимает и не может объяснить он, является таким же для автора, у которого могли быть свои основания сокращать и опускать некоторые подробности.

7. Наконец, он никогда не должен создавать себе слишком высокого представления о своем превосходстве, о своей авторитетности, о ценностях своих суждений. Ввиду того, что деятельность, которой он занимается, уже сама по себе неприятна для самолюбия тех, на кого она распространяется, он оказался бы совершенно не прав, если бы сознательно причинял им неудовольствие и вынуждал их выставлять на свет его несостоятельность.

Ломоносов М. В.

Избр. произв. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 217—218, 225.

М.В. Ломоносов был тесно связан с русской журналистикой как организатор и литератор. Кроме того, ему приходилось как публицисту и ученому отстаивать труды отечественных ученых, собственные научные открытия от искажения их зарубежными рецензентами. В 1754 г. Ломоносов написал на латинском языке (как тогда было принято) «Рассуждение об обязанностях журналистов...» в ответ на ряд рецензий с необоснованной критикой его работ по физике в немецких изданиях 1752—1754 гг. Не ограничиваясь изложением специальных научных проблем, Ломоносов затрагивает в статье вопрос о правах и обязанностях журналистов, этике научных публикаций, говорит о большой ответственности журналиста при рецензировании научных трудов.

Статья Ломоносова была напечатана в 1755 г. при содействии немецкого ученого Л. Эйлера на французском языке в научном амстердамском журнале без подписи автора; на русском языке впервые опубликована в «Сборнике материалов для истории Академии наук в XVIII веке». (СПб 1865. Ч. 2).

Н. И. НОВИКОВ

Ведомости

Из Кронштадта

(Впервые опубликовано в журнале "Трутенъ" 1769. Л. VI)

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; 2. Vetilles из Марселя в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные, кружевы, блонды, бохромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненые и нечиненые, булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары, а из петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотна и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

* * *

Молодого Российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Подряды

В некоторое судебное место потребно правосудие до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться, могут явиться в оном месте.

Продажа

Недавно пожалованной воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

Рецепт для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает, собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостаивает их наклоением своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает: Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка; они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора. В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снеси хлеб твой*. Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, затем, что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благославляет их труды и награждает, а *Безрассуд* их обирает. Безрассудной! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою, во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком. Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдохновения, они не смеют и мыслить, что они человеки, но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете щастию, ради того, что они в своем звании благополучны; то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки господа, господа — отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающим нужное подчинение в несносное иго рабства. Но *Безрассуд* всегда твердит: *я господин, они мои рабы; я человек, они крестьяне*. От сей вредной болезни

Рецепт:

Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

Сатирические журналы Н.И. Новикова.
М.; Л., 1951. С. 63—64, С. 135—136.

Н.М.КАРАМЗИН

Отчего в России мало авторских талантов?

Если мы предложим сей вопрос иностранцу, особливо французу, то он, не задумавшись, будет отвечать: "От холодного климата". Со времен Монтеスキе все феномены умственного, политического и нравственного мира изъясняются климатом. "Ah, mon cher Monsieur, n'avez vous pas le nez gele?" {Ах, дорогой мой, вы, кажется, отморозили нос? (*франц.*). - *Ред.*} - сказал Дидерот в Петербурге одному земляку своему, который жаловался, что в России не чувствуют великого ума его, и который в самом деле за несколько дней перед тем ознобил себе нос.

Но Москва не Камчатка, не Лапландия; здесь солнце так же лучезарно, как и в других землях; так же есть весна и лето, цветы и зелень. Правда, что у нас холод продолжительнее; но может ли действие его на человека, столь умеренное в России придуманными способами защиты, вредить дарованиям? И вопрос кажется смешным! Скорее жар, расслабляя нервы (сей непосредственный орган души), уменьшит ту силу мыслей и воображения, которая составляет талант. Давно известно медикам-наблюдателям, что жители севера долговечнее жителей юга: климат, благоприятный для физического сложения, без сомнения, не губелен и для действий души, которая в здешнем мире столь тесно соединена с телом. - Если бы жаркий климат производил таланты ума, то в Архипелаге всегда бы курился чистый фимиам музам, а в Италии пели *Виргилии* и *Тассы*; но в Архипелаге курят... табак, а в Италии поют... *кастраты*.

У нас, конечно, менее авторских талантов, нежели у других европейских народов; но мы имели, имеем их, и, следственно, природа не осудила нас удивляться им только в чужих землях. Не в климате, но в обстоятельствах гражданской жизни россиян надобно искать ответа на вопрос: "Для чего у нас редки хорошие писатели?"

Хотя талант есть вдохновение природы, однако ж ему должно раскрыться ученьем и созреть в постоянных упражнениях. Автору надобно иметь не только собственно так называемое дарование, - то есть какую-то особенную деятельность душевных способностей, - но и многие исторические сведения, ум, образованный логикою, тонкий вкус и знание света. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего?

Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтаня, Паскаля, 5 или 6 авторов века Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля {Как сочинителя единственных сказок.}, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные, мысли. Русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски! Милые женщины, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами. Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения! Мудрено ли, что сочинители некоторых русских комедий и романов не победили сей великой трудности и что светские женщины не имеют терпения слушать или читать их, находя, что так не говорят люди со вкусом? Если спросите у них: как же говорить должно? то всякая из них отвечает: "Не знаю; но это грубо, несносно!" - Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом. Бюффон странным образом изъясняет свойство великого таланта или гения, говоря, что он есть *терпение в превосходной степени*. Но если хорошенько подумаем, то едва ли не согласимся с ним; по крайней мере без редкого терпения гений не может воссиять во всей своей лучезарности. *Работа есть условие искусства*; охота и возможность преодолевать трудности есть характер таланта. Бюффон и Ж.-Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом: мы знаем от них самих, чего им стоила палья красноречия!

Теперь спрашиваю: кому у нас сражаться с великою трудностью быть хорошим автором, если и самое счастливейшее дарование имеет на себе жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у нас десять, двадцать лет рыться в книгах, быть наблюдателем, всегдашним учеником, писать и бросать в огонь написанное, чтобы из пепла родилось что-нибудь лучшее? В России более других учатся дворяне; но долго ли? До пятнадцати лет: тут время идти в службу, время искать чинов, сего вернейшего способа быть предметом уважения. Мы начинаем только любить чтение; имя хорошего автора еще не имеет у нас такой цены, как в других землях; надобно при случае объявить другое право на улыбку вежливости и ласки, К тому же

искание чинов не мешает балам, ужинам, праздникам; а жизнь авторская любит частое уединение. - Молодые люди среднего состояния, которые учатся, также *спешат* выдти из школы или университета, чтобы в гражданской или военной службе получить награду за их успехи в науках; а те немногие, которые остаются в ученом состоянии, редко имеют случай узнать свет - без чего трудно писателю образовать вкус свой, как бы он учен ни был. Все французские писатели, служащие образцом тонкости и приятности в слоге, *переправляли*, так сказать, школьную свою ретику в свете, наблюдая, что ему нравится и почему. Правда, что он, будучи школою для авторов, может быть и гробом дарования: дает вкус, но отнимает трудолюбие, необходимое для великих и надежных успехов. Счастлив, кто, слушая сирен, перенимает их волшебные мелодии, но может удалиться, когда захочет! Иначе мы останемся при одних куплетах и мадригалах. Надобно заглядывать в общество - непременно, по крайней мере в некоторые лета, - но жить в кабинете.

Со временем будет, конечно, более хороших авторов в России - тогда, как увидим между светскими людьми более ученых или между учеными - более светских людей. Теперь талант образуется у нас случайно. Натура и характер противятся иногда силе обстоятельств и ставят человека на путь, которого бы не надлежало ему избирать по расчетам обыкновенной пользы или от которого судьба удаляла его: так, Ломоносов родился крестьянином и сделался славным поэтом. Склонность к литературе, к наукам, к искусствам - есть, без сомнения, природная, ибо всегда рано открывается, прежде, нежели ум может соединять с нею виды корысти. Сей младенец, который на всех стенах чертит углем головы, еще не думает о том, что живописное искусство доставляет человеку выгоды в жизни. Другой, услышав в первый раз стихи, бросает игрушку и хочет говорить рифмами. Какой хороший автор в детстве своем не сочинял уже сатир, песен, романов? Но обстоятельства не всегда уступают природе; если они не благоприятствуют ей, то ее дарования по большей части гаснут. Чему быть трудно, то бывает редко - однако ж бывает, - и чувствительное сердце, живость мыслей, деятельность воображения, вопреки другим явнейшим или ближайшим выгодам, привязывают иногда человека к тихому кабинету и заставляют его находить неизъяснимую прелесть в трудах ума, в развитии понятий, в живописи чувств, в украшении языка. Он думает - желая дать цену своим упражнениям для самого себя, - думает, говорю, что труд его не бесполезен для отечества; что авторы помогают согражданам *лучше мыслить и говорить*; что все великие народы любили и любят таланты; что греки, римляне, французы, англичане, немцы не славились бы умом своим, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется бессмыслием и кособокием худых писателей; что варварский вкус их есть сатира на вкус народа; что образцы благородного русского красноречия едва ли не полезнее самых классов латинской элоквенции, где толкуют Цицерона и Виргилия; что оно, избирая для себя патриотические и нравственные предметы, может благотворить нравам и питать любовь к отечеству. - Другие могут думать иначе о литературе; мы не хотим теперь спорить с ними.

А.П. КУНИЦЫН

(А.П. Куницын — профессор Царскосельского лицея и Петербургского университета в годы войны и позднее регулярно печатался в «Сыне отечества». Ему принадлежит статья в первом номере журнала «Послание к русским» и другие материалы)

Замечания на нынешнюю войну

Когда французы заняли Москву, распространилась глубокая печаль. Князь Кутузов сожалел о взятии столицы неприятелем, но не хотел подвергнуть русской армии невыгодному сражению. Основывая свою славу не на пустом самохвальстве, а на истинном превосходстве гения, он дал Бонапарту случай написать громкую афишку или высокопарную сказку о занятии Москвы. Вероятно, что в Париже и до сего времени полицейские служители — ревностные правозвестники Бонапартовой славы — по всем местам и перекресткам оглушают проходящих сим известием.

Князь Кутузов написал о сем печальном происшествии краткое уведомление, в котором без всяких прикрас уверял, что не предстоит никакой опасности, хотя злодейства неприятеля и причинят много вреда столице^{*□□}. Расставив наблюдательные отряды войск по дорогам, ведущим от Москвы в разные стороны, сам он зашел неприятелю во фланг и одним движением сделал три дела: *во-первых*, остановил неприятеля, затруднив его сообщение с границей; *во-вторых*, прикрыл от него плодородные губернии; *в-третьих*, обеспечил продовольствие своей армии и открыл ей способы усилиться. Победительное бездействие Кутузова при Тарутине и Леташевке было пагубно для Наполеона; он не мог получать провианта со стороны Смоленска по причине беспрестанных поисков русских отрядов на сей дороге; шайки французов, посылаемые на грабеж, приносили ему мало прибыли и почти всегда попадались во власть русских. Таким образом, Наполеон в самой Москве соделался неопасным для русских. Видя себя в крайнем положении, решился он сделать сильный напор на Калугу, дабы испытать счастье, нельзя ли прорвать русскую линию; но при Малом Ярославце узнал невозможность сего предприятия. Итак, с болезненным сердцем и гладною утробой обратился на прежний свой тракт.

План военных действий Кутузова ныне обнаружился: поелику нельзя было сражаться с французами спереди без значительной потери, то он трудолюбивым своим бездействием при Тарутине и Леташевке поворотил их к себе тылом, дабы удобнее наносить им удары.

В продолжение нынешней войны русская армия приняла вид пасти огромного льва. Нижняя челюсть оной начинается от Москвы и продолжается до Бреста-Литовского, или до Варшавского Герцогства. Верхняя челюсть начинается также от Москвы и оканчивается у Риги. В начале войны пасть сия была сжата, но по мере приближения французов, она раскрывалась. Наполеон

безрассудно бросился с своею армиею в средину оной. Может быть, он надеялся разорвать мускулы, которыми сжимаются челюсти, но в этом обманулся. Приблизившись к Москве, он заметил, что пасть начала сжиматься, и вскоре почувствовал, что армия его не может сопротивляться давлению челюстей, происходящему от их сближения. Тщетно спешил он выйти из сего пространного зева: почти все его войска уже, так сказать, стиснуты; может быть, и сам он не избежит роковых зубов раздраженного им льва.

Наполеон хотел быть новым Самсоном; тактика израильского богатыря благоразумнее тактики корсиканского рыцаря. Первый схватил льва за морду и конец нижней челюсти, дабы избегнуть его зубов, естли не в силах будет разорвать голову сего животного на две части. Наполеон бросился в средину пасти, дабы массою своего тела разорвать мускулы; но не подумал о том, как избавиться от угрызения, естли будет невозможно обессилить мускулы или разорвать челюсти.

Царское село. Русские просветители.
М., 1966. Т. 2. С. 173-175.

ИЗ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

Корреспонденции о военных действиях

Пишут из армии, что несколько казаков, стоявших на часах при пушке леса, привязали на веревку барана, а сами притаились за кустарником. Откуда ни взялись французские гусары, бросили оружие и начали делить барана. В ту же минуту казаки выскочили из засады и забрали их в плен без всякого труда. При другом случае, когда казаки наши ударили на ряд французской конницы, один гусар соскочил с лошади и пустился бежать. Схватив его, начали спрашивать, по какой причине он оставил лошадь. «Не удивляйтесь, — сказал он, — я более надеюсь на свои ноги, чем на ноги моего коня; уже давно наши лошади с места не двигаются и я затем только на нее влез, чтобы, сидя повыше, издали вас завидеть».

Говорят, что во время пребывания французов в Москве небольшой их отряд с одной пушкой отправлен был на Калужскую дорогу для сожжения одной деревни. Солдаты за благо рассудили прежде исполнения сего приговора разграбить деревню и, оставив пушку на поле, бросились по домам за контрибуцией. Один крестьянин, выбежав из деревни, увидел, что при пушке нет никого, сел на нее верхом, ударил по всем по трем и прискакал с нею в русский лагерь. Главнокомандующий наградил его, сказывают, знаком отличия военного ордена.

После дела при Дашковке вынесен был с места сражения гренадер, раненный в грудь пулей, оставшейся в нем. Когда лекарь, худо говоривший по-русски, стал его осматривать, то, разглядев рану в груди и желая знать, где пуля остановилась, стал щупать спину, воин, ослабленный, истекший кровью и едва

дышащий, сказал бывшим тут офицерам: «Ваше благородие! скажите лекарю, к чему он щупает мне спину? ведь я шел грудью!».

Сборник материалов к изучению истории русской журналистики.

Вып. I. С. 110.

А.А БЕСТУЖЕВ

Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов

(Впервые статья опубликована в альманахе "Полярная звезда. Карманная книжка на 1825 год для любителей и любителей словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым" Статье предшествовали обзоры русской литературы в "Полярной звезде" за 1823 и 1824 год)

Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и гениальных творений. Простор около умов высоких порождает гениев; они рвутся расширяться душою и наполнить пустоту. По времени круг сей стесняется; столбовая дорога и полуизмятые венки не прельщают их. Жажда нового ищет нечерпанных источников, и гении смело кидаются в обход мимо толпы в поиске новой земли мира нравственного и вещественного; пробивают свои стези; творят небо, землю и ад родником вдохновений; печатлеют на веках свое имя, на одноземцах свой характер, озаряют обоих своей славою и все человечество своим умом!

За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности. Так было везде, кроме России; ибо у нас век разбора предыдет веку творения; у нас есть критика и нет литературы; мы пресытились, не вкушая, мы в ребячестве стали брюзгливыми стариками! Постараемся разгадать причины столь странного явления.

Первая заключается в том, что мы воспитаны иноземцами. Мы всосали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народною гордостью, вместо того, чтобы возбудить рвение сотворить то, чего у нас нет, старается унижить даже и то, что есть. К довершению несчастья мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной ни с нравом русского народа, ни с духом русского языка. Застав ее, после блестящих произведений, в поре полемических сплетней и приняв за образец бездушных умников века Людовика XV, мы и сами принялись толковать обо всем вкривь и вкось. Говорят: чтобы все выразить, надобно все чувствовать; но разве не надобно

всего чувствовать, чтобы все понимать? а мы слишком бесстрастны, слишком ленивы и недовольно просвещены, чтобы и в чужих авторах видеть все высокое, оценить все великое. Мы выбираем себе авторов по плечу: восхищаемся д'Арленкурами, критикуем Лафаров и Делилев, и заметьте: перебранив все, что у нас было вздорного, мы еще не сделали комментария на лириков и баснописцев, которыми истинно можем гордиться.

Сказав о первых причинах, упомяну и о главнейшей: теперь мы начинаем чувствовать и мыслить — но ощупью. Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум — дела; он хочет шевелиться, когда не может летать, но, не занятый политикою, весьма естественно, что деятельность его хватается за все, что попадется, а как источники нашего ума очень мелки для занятий важнейших, мудрено ли, что он кинулся в кумовство и пересуды! Я говорю не об одной словесности: все наши общества заражены той же болезнью. Мы, как дети, которые испытывают первую свою силу над игрушками, ломая их и любопытно разглядывая, что внутри.

Теперь спрашивается: полезна или нет периодическая критика? Джеффри говорит, что «она полезна для периодической критики». Мы не можем похвалиться и этим качеством: наша критика недалеко ушла в основательности и приличии. Она ударилась в сатиру, в частности и более в забаву, чем в пользу. Словом, я думаю, наша полемика полезнее для журналистов, нежели для журналов, потому что критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало; но между тем листы наполняются, и публика, зевая над статьями вовсе для ней незанимательными, должна разбирать по складам надгробия безвестных людей. Справедливо ли, однако ж, так мало заботиться о пользе современников, когда подобным критикам так мало надежды дожить до потомства?

Мне могут возразить, что это делается не для наставления неисправимых, а для предупреждения молодых писателей. Но, скажите мне, кто ставит охранный маяк в луже? Кто будет читать глупости для того, чтобы не писать их?

Говоря это, я не разумею, однако ж, о критике, которая аналитически вообще занимается установкою правил языка, открывает литературные злоупотребления, разлагает историю, и словом, везде, во всем отличает истинное от ложного. Тем, где самохвальство, взаимная похвальба и незаслуженные брани дошли до крайней степени, там критика необходима для разрушения заговоренных броней какой-то мнимой славы и самонадеянности, для обличения самозванцев литераторов. Желательно только, чтобы критика сия отвергла все личности, все частности, все расчетные виды; чтобы она не корпела над запятыми, а имела бы взор общий, правила более стихийные. Лица и случайности проходят, но народы и стихии остаются вечно.

Из вопроса, почему у нас много критики, необходимо следует другой: «отчего у нас нет гениев и мало талантов литературных?». Предслышу ответ многих, что от *недостатка ободрения!* Так, его нет, и слава богу! — Ободрение может опереть только обыкновенные дарования: огонь очага требует хворосту

и мехов, чтобы разгореться, — но когда молния просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и реять в небе! Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии. Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности изможденных гонением или недостатком лиц ваших — рассвет бессмертия! Скорбь есть зародыш мыслей, уединение — их горнило. Порох на воздухе дает только вспышки, но сжатый в железе, он рвется выстрелом и движет и рушит громады... И в этом отношении к свету мы находимся в самом благоприятном случае. Уважение или по крайней мере внимание к уму, которое ставило у нас богатство и породу на одну с ним доску, наконец, к радости сих последних исчезло. Богатство и связи безраздельно захватили все внимание толпы, — но тут в проигрыше, конечно, не таланты! Иногда корыстные ласки меценатов балуют перо автора; иногда недостает собственной решимости вырваться из бисерных сетей света, — но теперь свет с презрением отверг его дары или допускает в свой круг не иначе как с условием носить на себе клеймо подобного, отрадного ему ничтожества, скрывать искру божества, как пятно, стыдиться доблести, как порока!! Уединение зовет его, душа просит природы, богатое нечерпанное лоно старины и мощного свежего языка перед ним расступается: вот стихия поэта, вот колыбель гения!

Однако ж такие чувства могут зародиться только в душах, куда заранее брошены были семена учения и размышления, только в людях, увлеченных случайным рассеянием, у которых есть к чему воротиться. Но таково ли наше воспитание? Мы учимся припеваючи и оттого навсегда теряем способность и охоту к дельным, к долгим занятиям. При самых счастливых дарованиях мы едва имеем время на лету схватить отдельные мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у нас ни в случае, ни в привычке. У нас юноша с учебного гулянья спешит на бал; а едва придет истинный возраст ума и учения, он уже в службе, уже он деловой, — и вот все его умственные и жизненные силы убиты в цвету ранним напряжением, и он целый век остается гордым учеником, оттого что учеником в свое время не был. Сколько людей, которые бы могли прославить делом или словом свое отечество, гибнут, дремля душой в вихре модного ничтожества, мелькают по земле, как пролетная тень облака. Да и что в прозаическом нашем быту, на безлюдье сильных характеров может разбудить душу? что заставит себя почувствовать? Наша жизнь — бесстенная китайская живопись; наш свет — гроб повапленный!

Так ли жили, так ли изучались просветители народов? Нет! в тишине затворничества зрели их думы. Терновою стезею лишений пробивались они к совершенству. Конечно, слава не всегда летит об руку с гением; часто современники гнали, не понимая их; но звезда будущей славы согревала рвение и озаряла для них мрак минувшего, которое вопрошали они, дабы разгадать современное и научить потомство. Правда, и они прошли через свет, и они

имели страсти людей; зато имели и взор наблюдателей. Они выкупили свои поступки упроченною опытностию и глубоким познанием сердца человеческого. Не общество увлекло их, но они повлекли за собой общества. Римлянин Альфиери, неизмеримый Бейрон гордо сбросили с себя золотые цепи фортуны, презрели всеми заманками большого света, — зато целый свет под ними и вечный день славы их наследие!!

Но кроме пороков воспитания, кроме затейливого однообразия жизни нашей, кроме многосторонности и безличия самого учения (*quand meme*), которое во все мешается, все смешивает и ничего не извлекает, — нас одолела страсть к подражанию. Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колену? когда будем писать прямо по-русски? Бог весть! До сих пор, по крайней мере, наша муза остается невестою-невидимкою. Конечно, можно утешиться тем, что мало потери, так или сяк пишут сотни чужестранных и междоусобных подражателей; но я говорю для людей с талантом, которые позволяют себя водить на помочах. Оглядываясь назад, можно век назад остаться, ибо время с каждой минутой разводит нас образцами. Притом все образцовые дарования носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они, следовательно подражать им рабски в других обстоятельствах — невозможно и неуместно. Творения знаменитых писателей должны быть только мерою достоинства наших творений. Так чужое высокое понятие порождает в душе истинного поэта неведомые дотоле понятия. Так, по словам астрономов, из обломков сшибающихся комет образуются иные, прекраснейшие миры!

Я мог бы яснее и подробнее исследовать сказанные причины; я бы должен был присовокупить к ним и раннее убаюкивание талантов излишними похвалами или чрезмерным самолюбием; но уже время, оставив причины, взглянуть на произведения.

Прошедший год утешил нас за безмолвие 1823. Н.М. Карамзин выдал в свет X и XI томы «Истории Государства Российского». Не входя, по краткости сего объема, в рассмотрение исторического их достоинства, смело можно сказать, что в литературном отношении мы нашли в них клад. Там видим мы свежесть и силу слога, заманчивость рассказа и разнообразие в складе и звучности оборотов языка, столь послушного под рукою истинного дарования. Сими двумя томами началась и заключалась однако ж, изящная проза 1824 года. Да и вообще до сих пор творения почтенного нашего историографа возвышаются подобно пирамидам на степи русской прозы, изредка оживляемой летучими журнальными бедуинами или тяжело движущимися караванами переводов. Из оригинальных книг появились только «Повести» г. Нарезного. Они имели б в себе много характеристического и забавного, если бы в их рассказе было поболее приличия и отделки, а в происшествиях поменее запутанности и чудес. В роде описательном «Путешествие» Е. Тимковского чрез Монголию в Китай (в 1820 и 21 годах) по новости сведений, по занимательности предметов и по ясной простоте слога, несомненно, есть

книга европейского достоинства <...> Появилось также несколько переводов романов Вальтера Скотта, но ни один прямо с подлинника и редкие прямо по-русски.

История древней словесности сделала важную находку в издании *Иоанна Экзарха Болгарского*, современника Мефодиева. К чести нашего века надобно сказать, что русские стали ревностнее заниматься археологиею и критикою историческою, сими основными камнями истории. Книга сия отыскана и объяснена г. Калайдовичем, неутомимым изыскателем русской старины, и издана в свет иждивением графа Н.П. Румянцева, сего почтенного вельможи, который один из всей нашей знати не щадит ни трудов, ни издержек для приобретения и издания книг, родной истории полезных. Таким же образом, напечатан и «Белорусский архив», приведенный в порядок г. Григоровичем. Общество истории и древностей русских издало 2-ую часть записок и трудов своих; появилось еще пятнадцать листов летописи Нестора по Лаврентьевскому списку, приготовленных профессором Тимковским.

Стихотворениями, как всегда, протекшие 15 месяцев изобиловали более, чем прозою. В.А. Жуковский издал в полноте рассеянные по журналам свои сочинения. Между новыми достойно красуется перевод Шиллеровой «Девы Орлеанской», перевод, каких от души должно желать для словесности нашей, чтобы ознакомить ее с настоящими чертами иноземных классиков. Пушкин подарил нас поэмою «Бахчисарайский фонтан»; похвалы ей и критики на нее уже так истерлись от беспрестанного обращения, что мне остается только сказать: она пленительна и своенравна, как красавица Юга. Первая глава стихотворного его романа «Онегин», недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, везде, где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества, стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу. Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это счастливое подражание Гёте) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком. «Блажен», — говорит там в негодовании поэт:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!

И плод сих чувств есть рукописная его поэма «Цыгане». Если можно говорить о том, что не принадлежит еще печати, хотя принадлежит словесности, то это произведение далеко оставило за собой все, что он писал прежде. В нем-то гений его, откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это, выраженное на деле, а не на словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. — Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры? — И.А. Крылов порадовал нас новыми прекрасными баснями; некоторые из них были напечатаны в повременных

изданиях, и скоро сии плоды вдохновения, числом до тридцати, покажутся в полном собрании. Н.И. Гнедич недавно издал сильный и верный свой перевод (с новогреческого языка) песен клефтов с приложением весьма любопытного предисловия. Сходство их с старинными нашими песнями разительное. На днях выйдет в свет поэма И.И. Козлова «Чернец»; судя по известным мне отрывкам, она исполнена трогательных изображений и в ней теплятся нежные страсти. Рылеев издал свои «Думы» и новую поэму «Войнаровский»; скромность заграждает мне уста на похвалу, в сей последней, высоких чувств и разительных картин украинской и сибирской природы. <...>

Русский театр в прошедшем году обеднел оригинальными пьесами. Замысловатый князь Шаховской очень удачно, однако ж, вывел на сцену Вольтера-юношу и Вольтера-старика в дилогии своей «Ты и вы» и переделал для сцены эпизод Финна из поэмы Пушкина «Людмила и Руслан».

В Москве тоже давали, как говорят, хороший перевод «Школы стариков» (Делавиня) г. Кокошкина и еще кой-какие водевили и драмы, о коих по слухам судить не можно; а здесь некоторые драмы обязаны были успехом своим сильной игре г. Семенов и Каратыгина. Я бы сказал что-нибудь о печатной, но не игральной комедии г. Федорова «Громилов», если бы мне удалось дочесть ее. К числу театральных представлений принадлежит и «Торжество муз», пролог г. М. Дмитриева на открытие большого Московского театра. В нем, хотя форма и очень устарела, есть счастливые стихи и светлые мысли. Но все это выкупила рукописная комедия г. Грибоедова «Горе от ума», феномен, какого не видали мы от времен «Недоросля». Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее не смеявшись, не тронувшись до слез. Люди, привычные даже забавляться по французской систематике или оскорбленные зеркальностью сцен, говорят, что в ней нет завязки, что автор не по правилам нравится; но пусть они говорят, что им угодно: предрассудки рассеются и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных.

Удача альманахов показывает нетерпеливую склонность времени не только мало писать, но и читать мало. Теперь ходячая наша словесность сделалась карманною. Пример «Полярной звезды» породил множество подражаний: в 1824 году началось «Мнемозиною», которая если не по объему и содержанию, то по объявлению издателей принадлежит к дружине альманахов. Страсть писать теории, опровергаемые самими авторами на практике, есть одна из примет нашего века, и она заглавными буквами читается в «Мнемозине». Впрочем, за исключением диктаторского тона и опрометчивости в суждениях, в г. Одоевском видны ум и начитанность. Сцены из трагедии «Аргияне» и пьеса «На смерть Байрона» г. Кюхельбекера имеют большое достоинство. На 1825 год театральный альманах «Русская талия» (издатель г. Булгарин) между многими хорошими отрывками заключает в себе 3-е действие комедии «Горе от

ума», которое берет безусловное преимущество над другими. Потом отрывок из трагедии «Венцеслав» Ротру, счастливо переделанной Жандром, и сцены из комедии «Нерешительный» г. Хмельницкого, и «Ворожея» кн. Шаховского. Кроме этого, книжка сия оживлена очень дельною статьей г. Греча «О русском театре» и характеристическими выходками самого издателя. — «Русская старина», изданная гг. Корниловичем и Сухоруковым. Из них первый описал век и быт Петра Великого, а другой — нравы и обычаи поэтического своего народа — казаков. Оба рассказа любопытны, живы, занимательны. Сердце радуется, видя, как проза и поэзия скидывают свое безличие и обращаются к родным старинным источникам. — «Невский альманах» (изд. г. Аладьин) — нелестный попутчик для других альманахов. Наконец, «Северные цветы», собранные бароном Дельвигом, блистают всею яркостью красок поэтической радуги, всеми именами старейшин нашего Парнаса. Хотя стихотворная ее часть гораздо богаче прозаической, но и в этой особенно занимательна статья г. Дашкова «Афонская гора» и некоторые места в «Письмах из Италии». Мне кажется, что г. Плетнев не совсем прав, расточая в обозрении полную рукой похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут потому только, что они живы, — но у всякого свой вес слов, у каждого свое мнение. Из стихотворений прелестны наиболее: Пушкина дума «Олег» и «Демон», «Русские песни» Дельвига и «Череп» Баратынского. Один только упрек сделаю я в отношении к цели альманахов: «Северные цветы» можно прочесть не улыбнувшись.

Журналы по-прежнему шли своим чередом, т.е. все кружились по одной дороге: ибо у нас нет разделения работы, мнений и предметов. «Инвалид» наполнял свои листки и «Новости литературы» лежалою прозою и перепечатанными стихами. Заметим, что с некоторого времени закралась к издателям некоторых журналов привычка помещать чужие произведения без спросу и пользоваться чужими трудами безответно. «Вестник Европы» толковал о старине и заржавленным циркулем измерял новое. Подобно прочим журналам, он, особенно в прошлом году, изобиловал критическою перебранкою; критика на предисловие к «Бахчисарайскому фонтану», с ее последствиями, достойна порицания, если не по предмету, то по изложению. Подобная личность вредит словесности, оправдывая неуважение многих к словесникам... 1825 год ознаменовался преобразованием некоторых старых журналов и появлением новых. У нас не доставало газеты для насущных новостей, которая соединяла бы в себе политические и литературные вести: гг. Греч и Булгарин дали нам ее — это «Северная пчела». Разнообразием содержания, быстротою сообщения новизны, черезден-ным выходом и самою формою — она вполне удовлетворяет цели. Каждое состояние, каждый возраст находит там что-нибудь по себе. Между многими любопытными и хорошими статьями заметил я о романах г. Сомова и «Нравы» Булгарина. Жаль, что г. Булгарин не имеет времени отделять свои произведения. В них даже что-то есть недосказанное; но с его наблюдательным взором, с его забавным сгибом ума он мог бы достичь прочнейшей славы. «Северный архив» и «Сын

отечества» приняли в свой состав повести; этот вавилонизм не очень понравился ученым, но публика любит такое смешение. За чистоту языка всех 3-х журналов обязаны мы г. Гречу, ибо он заведывает грамматическою полицею. В Петербурге на сей год издается вновь журнал «Библиографические листки» г. Кеппенем. Это необходимый указатель источников всего писанного о России. В Москве явился двухнедельный журнал «Телеграф», изд. г. Полевым. Он заключает в себе все; извещает и судит обо всем, начиная от бесконечно малых в математике до петушьих гребешков в соусе или до бантиков на новомодных башмачках. Неровный слог, самоуверенность в суждениях, резкий тон в приговорах, везде охота учить и частое пристрастие — вот знаки сего «Телеграфа», а *смелым владеет бог* — его девиз.

Журналы наши не так, однако ж, дурны, как утверждают некоторые умники, и вряд ли уступают иностранным. Назовите мне хоть один сносный литературный журнал во Франции, кроме *Revue Encyclopedique*? Немцы уж давно живут только переводами из журнала г. Ольдекопа, у которого, не к славе здешних немцев, едва есть тридцать подписчиков; и одни только англичане поддерживают во всей чистоте славу ума человеческого.

Оканчиваю. Знаю, что те и те восстанут на меня за то и то-то, что на меня посыплется град вопросительных крючков и восклицательных шпилек. Знаю, что я изобрел плохую методу — ссориться с своими читателями в предисловии книги, которая у них в руках... но как бы то ни было, я сказал что думал — и «Полярная звезда» перед вами.

*Декабристы. Антология. В 2 тт., Л.,
1975. Т. 2. С. 401—416.*

Ф.В. БУЛГАРИН

ГАЗЕТА «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

Внутренние известия Санкт-петербург, 2-го Января

Полагая целию всех литературных трудов моих пользу общую, пользу отечества, а лестнейшею за них наградою Всемилостивейшее благоволение Государя Императора, обратился я ныне, пред выходом в свет третьего моего Романа (Петр Иванович Выжигин), с просьбою об исходатайствовании Высочайшего соизволения на всеподданнейшее поднесение экземпляра онаго Его Императорскому Величеству, к Г. Генерал-Адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, в котором всякий благонамеренный человек всегда находит покровителя своим трудам и предстателя у Высочайшего Престола. На письмо мое о сем к Его Высокопревосходительству удостоился я получить ответ следующего содержания:

«Я имел счастье докладывать Государю Императору письмо ваше, о выходящем вновь в свет Романе вашем, под заглавием: Петр Иванович Выжигин, и Его Величество, Всемилостивейше соизволят на принятие онаго, почему и прошу вас, Милостивый Государь, прислать мне сочинение, для всеподданнейшаго представления, как скоро оно выйдет из печати.

При сем случае, Государь Император изволил отозваться, что Его Величеству весьма приятны труды и усердие ваше к пользе общей, и что Его Величество, будучи уверен в преданности вашей к Его особе, всегда расположен оказывать вам милостивое Свое покровительство.

Уведомляя вас с особенным удовольствием о сем благосклонном отзыве Его Императорского Величества, с предоставлением права дать оному гласность, имею честь быть, и пр.

А. Бенкендорф
№ 5256. 30 декабря, 1830».

Осчастливленный сим живительным отзывом, я не только не считаю нарушением скромности обнаружение сего письма, по содержащемуся в нем на то соизволению, но полагаю священным долгом сообщить о том читателям моим, коих благосклонности и поощрению обязан я, отчасти, возможностью приобрести сие лестное выражение Высокомонаршей милости. За Богом молитва, за Царем служба не пропадет.

ГАЗЕТА «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА»

Смесь

- Какой-то поселянин в окрестностях Пармы проглотил ящерицу, которая во время сна его заползла к нему в рот. Разными средствами этого неожиданного гостя кой-как выжили; но, по неизъяснимой игре природы, мужик получил

после этого прекраснейший бас, и теперь поет в Болонской соборной церкви.

- На Театре Porte-Saint-Martin, в Париже, дают с некоторого времени Драму: Наполеон; сбор тринадцати первых представлений сей пьесы составил 47,910 франков. Еще не бывало примера столь необычайного успеха.

- В Кале, в гостинице Дессета, показывают комнату, в которой жил Стерн. Жаль только, что эта комната построена после смерти сего знаменитого Писателя.

- Народонаселение всего Земного Шара полагают в 632 миллиона. Оно распределено следующим образом: в Европе считается 172 мил.; в Азии 330, в Африке 70, в Америке 40, в Австралии 20. Новорожденных бывает в Европе в год 6, 371, 370, в день 17, 453, в час 727, в минуту 62 и в секунду 1. Во всем Свете в год 25, 407, в день 4, 130, в час 2672, в минуту 445 и в секунду 7.

Н. Греч

Н. А. ПОЛЕВОЙ

Письмо издателя к NN (в отрывках)

Для изображения совершенного журнала вообразите зеркало, в котором отражается весь мир нравственный, политический и физический. Такой журнал едва ли не более многих книг принесет пользы. Совершенство - удел не земного мира; по крайней мере, старание приблизиться к идеалу есть уже усовершенствование. Не все могут уделять время на чтение огромных томов: многие ли привыкли к обдуманному, систематическому чтению?

Здесь преимущество на стороне журналов: истинно полезное, истинно изящное предлагает вам журналист, не пугая обширными определениями, пестротой выписок, толщиной книги. В журнале литературном нет места сухой учености. Позволим иногда и философу сказать в нем несколько слов, но пусть говорит он улыбаясь, помнит о дружбе Сократа с грациями и бережет угрюмость свою для книг; историк пусть расскажет нам что-нибудь занимательное, важное, но расскажет легко и приятно, а терны учености посее в отдельной книге. Главное: сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею легкостью. Читателю скучно находить и в журнале, что находил он в огромной книге, после которой хотел отдохнуть; еще несноснее найти статью длинную, сухую, разорванную в несколько номеров журнала; все однако ж лучше найти что-нибудь, нежели ничто, в легкой как пух книжечке, обертка которой обременена нулевым перечнем поэзии и прозы!..

Вообще можно пожелать, чтобы журналисты более пользовались важным преимуществом своим - представлять отчетные извлечения из всех книг любопытных и важных и уведомлять читателей обо всем, что слышно нового; журналист - разнощик вестей; встречаясь с ним, не спрашивают: что вы знаете? Но - нет ли чего-нибудь нового? Вот почему я полагаю критику одним из важнейших отделений журнала - пусть только будет она умна, правдива,

дельна. Присовокупите к тому избранные новости литературные, важнейшие новости в науках и художествах, обзор всеобщего просвещения и умеете предлагать это неодносторонно разнообразно.

... Как читатель, с русским журналистом я заключил бы еще некоторые особенные условия, и кроме того, что говорено было нами вообще о журналах, сказал бы ему отдельно, ибо в настоящем положении литературы, наук и просвещения в нашем отечестве мы делаем некоторое исключение из Европы вообще.

Я просил бы русского журналиста заметить, с какою ревностью стараются теперь везде о сближении и быстром обмене ученых открытий и литературных произведений. И нам не должно принять участие в общем деле? - Говорят, что в целом свете издается более десяти тысяч журналов. Отделим двадцатую часть, выбросим из нее на половину: еще 250 журналов к услугам русского журналиста! Богатства ума и познаний Америки, Азии, Европы готовы наполнить его журнальную выставку! А оптовые произведения, которые может он передать читателям? - Среди толпы обыкновенных людей всегда возвышается несколько исполинов, богатых новыми, превосходными творениями. В литературе нет курса на ум, и журналисту надобны только уметь выбрать и охота перевести. Но он может оказать важную услугу отечеству. Мы - жители Севера, соседи Азии и посредники Европы в истории, статистике и географии полусвета; от нас ждут ученые люди точных и правильных сведений о северной литературе и истории - и ждут нетерпеливо.

Посмотрите, как недостаточны понятия их даже об нас самих и как они вызывают нас на труд полезный и славный. Недавно Шатробан просил Московское Общество Истории и Древностей о мене сведений; издатель Всеобщего бюллетеня, Ферюссак, приглашал русских ученых к участию в его обширном предприятии; Академии и ученые общества французские и немецкие задают вопросы касательно России и Севера; а ученые перепечатывают наши книги. Русский журналист, не связанный однообразием журнала, может выполнить требования иностранцев, предоставляя им результаты ученых трудов и изысканий наших, указывая им ошибки, наводя их на путь истинный, которым пойдет трудолюбие немца и догадливость француза.

Если бы в русском журнале появилась статья: разбор всех сочинений касательно истории, географии и статистики русской, или - разбор всех сочинений, в которых иностранцы говорили о России, - мне кажется, та или другая могли бы называться любопытными статьями и придавать русскому журналу вес и полноту.

Я поставил бы в обязанность русскому журналу другой, не менее важный, подвиг - беспристрастный надзор за отечественною литературой. Обличение невежества, похвала уму и познаниям - его дело. Публика судит; но у нас не учредилось еще судилище общего мнения. Литература только что развертывается, вкус наш, так сказать, не устоялся, и зло можно прекращать в начале. Пусть поэты и прозаики наши летают во всех возможных направлениях умозрения и фантазии, - журналист может и должен разбирать и ценить труды

их, отделять репейник, быть посредником здравого смысла, чистого вкуса, изящного слова. Пусть заслужит он доверие читателей беспристрастием, правотою суждений – его труд не потерян. ...Каким образом отличить читателю хорошее от дурного, не ошибиться в выборе, если ему предлагают толстую книгу и громкое газетное объявление? – Прибавьте советы юному (NB. В некоторых летах потребны не советы, но уличение), трудолюбивому писателю и исследователю. Журналист посредствует между им и публикою; предлагает отрывки из творения, готового вступить в свет и улучшает его советами читателей и своими замечаниями.

Вот идеальное изображение цели и пользы журнала, издаваемого для чтения общего, не отдельно для какого-нибудь сословия читателей!

Московский телеграф. 1825. № 1. С. 7-12.

О. И. СЕНКОВСКИЙ

Аукцион

Объявление: "Продается за отъездом".

Я уезжаю. Это решенное дело! Прощайте, друзья, я еду. Уезжаю далеко, очень далеко, на очень долгое время -- навсегда. Оставайтесь здесь в здравии и покое, живите счастливо, пишите умные вещи, если можете; читайте умные книги, если случается в продаже; смейтесь, когда вам будет скучно, смейтесь и здравствуйте.-- Я уезжаю. Adieu, adieu!.. {Прощай, прощай!.. (*фр.*)} Вы не увидите меня более.

Нет! Вы не увидите меня более!.. Мне нельзя жить с вами. Я еду -- в вечность!

Говорю вам -- я еду в вечность; еду туда, где нет ни времени, ни пространства, ни тел, ни страстей, ни женщин, ни мужчин, ни словесности, ни читателей; где ничего нет -- где есть все. Там только я буду счастлив. Здесь для меня нет места. Мои недоброжелатели говорят, что я дурак и несносен; мои доброжелатели не только говорят, но пишут и печатают: *Умри, Брамбеус!* Никто не хочет жить со мною на этом свете.

Но я умираю правильно, по форме, на законном основании. Я приведу мои дела в порядок, составлю список моим бумагам и имуществу, продам все с молотка; обращу все в наличные деньги; и неличные деньги завещаю моим наследникам, чтоб по моей кончине они могли приступить прямо к мотовству, без лишних хлопот; то есть я не умру, потому что не буду принимать никаких лекарств, ни аллопатических, ни гомеопатических; я попросту еду с земли в вечность, как помещик уезжает из столицы в свою деревню, проиграв справедливое дело, за которым приехал он на короткое время, и просидев тридцать пять лет в трактире. Я также проиграл мое дело с людьми и моими надеждами и подобно ему уеду с приговором людей в кармане и без копейки за душою.

Действуя во всем на законном основании, во-первых, я объявляю в газетах о моем отъезде; во-вторых, продаю все мое достояние с публичного торга.

К отъезду моему, я уверен, препятствия никакого не будет: никто не подаст прошения в полицию о том, чтоб с будочниками задержали меня на сем свете как человека, необходимого для общества. А как скоро я извещу, что за отъездом продаю мое имущество по сходным ценам, все мои друзья явятся к Тамизье, чтоб купить мое достояние за бесценок. Добрые друзья!.. На них-то я особенно полагаюсь в этом случае.

Итак, нечего терять дорогого времени. Надо приступить скорее к продаже всего, что составляет мою собственность. Господа! Кому угодно торговаться? Кто хочет купить хорошие, отличной доброты вещи разного рода за самую умеренную цену? Прошу, покорнейше прошу в аукционную залу, к Тамизье, в дом 1-й адмиралтейской части 2-го квартала, под No 189! Начало в десять часов утра! Все готово, устроено!.. Прошу приходить скорее!.. Кто надбавит несколько копеек, тот возьмет, что угодно! Сюда, честные господа!.. Разные вещи продаются за отъездом!

Разные вещи!.. Но где они у меня? Одна оловянная чернильница, полдести бумаги, два старые исписанные пера! Платье, которое на мне!.. Вот все мое достояние. В этом платье я поеду в вечность, в нем лягу в почтовую кибитку, сколоченную из четырех досок, чтоб по крайней мере прилично явиться в холодной и безмолвной гостинице, откуда люди отправляются все в одну сторону, никогда не следуя назад. Я не могу продать платья. За мою чернильницу, за мои перья никто не даст копейки: впрочем, кроме этого, хозяин дома не получит с меня ничего более за недоплаченный ему наем моей квартиры, в которой всегда господствовали величайший порядок и совершенная опрятность -- отсутствие всякой собственности! Нищета! Кто хочет купить мою нищету?.. Господа! Продается нищета!.. Раз!.. Нищета честная, без хлопот, без угрызения совести, лучшего разбора, не запачканная завистью, не подержанная тасканием по передним... Нищета! Раз, два!.. Купите, господа, нищету!.. Хозяин был весьма доволен ею!.. Раз, два!.. Будете с нею счастливы! Она дорога, но приятна, в лучшем вкусе, чрезвычайно отрадна и удобна! Хозяин никогда бы не расстался с нею, но она теперь ему не нужна: он уезжает. Раз, два!.. В последний раз! -- За отъездом продается -- честная нищета!.. Раз, два... три!

Никто не купил нищеты! Она остается за мною. Тем лучше: я завещаю ее тому, кто в течение будущего года напишет самую умную и полезную для людей книгу на земном шаре.

О Бюффон! О великий пророк естества! Ты, который своим огненным, торжественным красноречием заохотил меня быть человеком; который, восхищаясь выпренными качествами моего рода, возвысил меня в собственных глазах моих, который меня уверял, что я благороднейшее и священнейшее творение в мире, что я царь природы, что все создано лишь для меня! Бюффон, покажи мне мое имущество на этой земле, которую так хорошо знаешь, на которой обыскал ты все уголки, тайники и норы! Покажи мне его, мой

панегирист, мой льстец, мой наперсник, коварный царедворец моего величества! Покажи, хитрый француз: я теперь от тебя не отстану... Где мое достояние?.. Говори! Ты отвечаешь, что весь свет принадлежит мне, как человеку. Постой: дай прочесть несколько страниц твоих доказательств... Правда! Ты прав!.. Свет бесспорно принадлежит мне: это моя неотъемлемая собственность, я ношу в моей бессмертной душе жалованную грамоту Божества на это огромное, великолепное поместье, я законный владелец Света. Как же я не догадался об этом прежде?.. Да, великий Бюффон! Свет, очевидно, мой! Эй, дворник! Дворник!.. Ко мне! скорее!.. Приведи сюда с биржи ломовые сани! Только как можно пошире... Скорее, братец! Получишь на водку!.. Помоги мне взвалить Свет на сани!.. Славно! Прекрасно!.. Вези же его теперь к Тамизье: я иду за вами.

-- Господа! Не уходите!.. Начинается аукцион. Прошу садиться вокруг стола! За отъездом продается Свет! Свет, который все вы знаете и любите! Свет, лучший из всех созданных светов: пестрый, красивый, звучный, замысловатый, единственный Свет в мире!.. Владелец никогда бы не решился продать его с молотка, но служились обстоятельства... Он продается за ненадобностью.

Кто хочет купить Свет гуртом?.. с тарою?.. с кулем и веревками?.. с болотами, чухонцами и французами?.. Гуртом покупать выгоднее. Правда, тут есть много беспутного и беспокойного: зато дешево отдадим. Кто хочет купить?.. Так будем торговаться по частям.

-- Статья первая. За отъездом продаются люди! Кому угодно купить людей за бесценок? Все молчат?.. И справедливо: к чему покупать весь род человеческий! Женщинам не нужны женщины, мужчинам не нужны мужчины, кроме нужных людей! Но женщины, может быть, купят мужчин; но мужчины, может статься, пожелают набавить копейку на женщин? Итак, предлагаются почтенному собранию наперед женщины, а потом мужчины. Нужных людей будем продавать особою статьею, потому что они дороги.

За отъездом продаются мужчины! Милостивые государыни! Не угодно ли которой-нибудь из вас купить всех мужчин вместе?.. Мужья, женихи, любовники, богатые старичишки с притязанием на любовь, юноши, промотавшие для вас богатства и силы,-- все отдаются за самую умеренную цену. Я обманывать вас не стану: говорю вам чистосердечно, что между нами есть тьма,-- может статься, половина -- а может, и три четверти -- домашних тиранов, закоснелых изменников, скряг, мотов, разорителей, ревнивых, грубиянов, рогоносцев, дурных мужей, дурных любовников, дурных собою, кругом дурных и негодных; но в этой куче бритого и небритого народу вероятно найдется и что-нибудь хорошее. Ежели ваше счастье заключается в мужчинах, оно непременно должно быть в этой груде мужеского пола. Как не купить счастья хоть в куче!.. И как я продаю их не на спекуляцию, а только за ненадобностью, за отъездом в чужие миры, то предоставляю вам, сударыни, самим сделать оценку мужчинам: какую цену вы назначите, с той начнем и торговаться. Подумайте, согласитесь между собою и решите!

-- Восемь гривен!

Восемь гривен! Возможно ли, сударыни?.. Вы меня разоряете! Восемь гривен за всех мужчин!..

-- За одного иногда можно дать и миллион, голубчик; но за всех вообще и восемь гривен, право, хорошая цена.

Ну что делать!.. Я предоставил вам самим определить первую для торга цену, надеясь на ваше великодушие; теперь отказаться от своего слова неловко. Извольте: мужчины -- восемь гривен! Кто пожалует более?.. Мужчины -- восемь гривен.-- Восемь... гривен... все мужчины!. Раз!..

-- Восемь гривен с копейкою!

Восемь гривен с копейкою! Кто более?.. Восемь гривен с копейкою за всех мужчин!.. Раз, два!

-- Две копейки!

Восемь гривен и две копейки за всех мужчин земного шара!.. Сударыни, как вам не стыдно! Никто из вас не хочет купить мужчин даже за половину цены!.. Восемь гривен и две копейки! Они самому мне дороже стоят. Я думал, что вы их вгоните в миллионы рублей, а тут только две старухи торгуются на них, набавляя по копейке. Восемь гривен и две копейки! Кто более?.. Раз!.. два!.. тр...и! Сударыня, товар за вами.

Старая баба купила весь мужской пол нашей планеты!.. Что будете вы с ним делать в ваших летах?..

-- Что ж мне из него делать, голубчик! Я из твоих мужчин наделаю миллионы племянников да внучат и пуцу их в оборот. Они все в массе более ни к чему не годятся!

За отъездом продаются женщины! Господа! Просим сюда поближе! Кому угодно торговаться на женщин? Но я уже не предоставляю вам делать им первую оценку. С досады на них за то, что они оценили всех нас в восемь гривен, вы в состоянии назначить им первую цену в две копейки и разорить меня вконец. Если б я хотел, по крайней мере, возвратить себе те деньги, которых они мне стоили, я оценил бы их очень дорого, но я чужд всякой жадности и продаю мой Свет по внутреннему достоинству составных его частей. Итак, я ценю всех женщин, молодых и старых, прекрасных и гадких, тихих и крикливых, кротких и царапчивых, с верностью, с нежностью, с легкомысленностью, с добродетелью и с капризами -- в полтину серебром; кажется, не дорого?.. Женщины, сиречь, прелестный пол, два рубля! Кто пожалует более?..

-- С полтиною!

Два рубля с полтиною! Милостивые государи, извольте набавлять великодушнее. Вот этот бледный, тощий господин, который уже прельщен ими, дает два с полтиною: так сколько же должны дать за них вы, юноши краснолицые, белоусые!.. Два рубля с полтиною! Не бойтесь: женщины вас не проведут, не расстроят вашего состояния, не изменят вам, не навлекут на вас огорчений -- я продаю их со всею их верностью, со всею заключающеюся в них слабостью...

-- Пять рублей!

Бывший наш судья, человек седой, почтенный, знающий цену вещам и деньгам, дает уже пять рублей. Господа, пять рублей: раз!..

-- С гривною!

Пять рублей с гривною!.. Юноши! Не пропускайте случая. Вот деловые люди дают пять рублей и десять копеек: они знают цепу женщинам. Если они купят всех женщин, увидите, как у них пойдут дела -- а вы останетесь без любовниц, без любви, без счастья!.. Решитесь, молодые люди!

-- Шесть рублей!

-- Bravo, розовый молокосос! Господа, шесть рублей!.. Следуйте примеру этого молодого человека: ему едва семнадцать лет от роду, а он уже дает за женщин шесть рублей. Погорячитесь, надбавляйте! Женщины, со всеми добродетелями и полным прибором земного счастья, шесть рублей! Кто более?.. Шесть рублей, раз, два!.. Надбавляйте, господа, не скупитесь: не то оставлю весь товар за мною. Я возьму женщин с собою на тот свет; вы останетесь без женщин и на другой день передуете друг друга. Вы скупы, набиты льдом и себялюбием, не достойны иметь женщин на земле!.. Увидите, что я унесу их в другой мир! Одно, что стоит взять с собою с сего света на тот свет, это женщины... Шесть рублей!.. Надбавляйте!.. Шесть рублей, раз, два!.. Шесть... ру... блей!.. Раз!.. два!.. тр... и!-- Молодой человек, подавайте шесть рублей и берите себе всех женщин.

-- Не угодно ли записать: я внесу деньги.

-- Очень рад! Чин ваш, имя, фамилия?

-- Джон Кокоасон, иностранец, великобританский подданный.

-- Где изволите жить?

-- В английском магазине.

-- Вы приказчик из английского магазина?.. Вы купили весь прекрасный пол нашей планеты на счет гг. Плинке и коми.?.. Дешево же вы купили! Если б я наперед знал...

-- Как! Дешево? Поверьте, сударь, что тут нет ни гроша прибыли. Это настоящая цена. Шесть рублей -- аршин лучшей модной ленты, и шесть рублей...

Вот видите, господа! Вы не хотели ничего надбавить: теперь все женщины проданы гуртом в английский магазин!.. Если кому понадобится достать себе одну -- знаете дорогу. Покупайте их теперь поодиночке в английском магазине: увидите, как всякая из них, даже самая пустая, дорого вам обойдется!.. Неблагодарные посетители аукциона!.. Уступили такой товар иностранцам!.. И что я выручил за весь род человеческий?-- 6 рублей и 82 копейки!-- И от кого?-- От тех же людей... от мужчин за женщин, от женщин за мужчин!.. Не высоко же ценят они друг друга!

Господа! Теперь, за отъездом, продается правосудие! Кто хочет дешево купить такую нужную вещицу?.. Я продаю с молотка правосудие: извольте торговаться.

Придвиньтесь, честные господа, к столу поближе, благоволите хорошенько осмотреть товар. Продается правосудие всего земного шара!.. Первая цена -- пять рублей -- попросту, синенькая бумажка! Это самая сходная, самая умеренная, настоящая цена. Кто пожалует более?..

-- Десять рублей!

Десять рублей за правосудие всей нашей планеты! Это немного!.. Кто пожалует более?..

-- Пятьдесят!-- Сто!-- Сто сорок пять!

Сто сорок пять рублей за правосудие!.. Гоните, господа, гоните!

-- Двести пятьдесят!-- Тысяча!..

Уже дают мне тысячу рублей за правосудие: не отдам за тысячу! Кто более?.. Торгуйтесь, честные господа! Кто покупает правосудие, тот никогда не жалуется на недостаток правосудия в свете. А!.. вы, сударыня, улыбаетесь?.. Вы улыбаетесь прелестно, и я знаю, что вы хотите сказать этим: вы на тысячу рублей надбавляете улыбку и хотите улыбкою купить правосудие. Нет, извольте надбавлять сотенку рубликов: я продаю его не иначе, как на чистые деньги...

-- Две тысячи! -- Десять тысяч! -- Сто тысяч!

-- Пятьсот!-- Шестьсот!-- Миллион!..

Миллион дают за правосудие! Кто более?.. Сколько охотников купить то, что положено отпустить даром!..

-- Полтора!-- Два миллиона!

Два миллиона, чтоб только достать правосудие!.. Гоните еще выше: оно, право, стоит этих денег...

-- Два миллиона и рубль! Два миллиона и рубль! Раз!..

-- И два рубля!

Два миллиона и два рубля! Раз, два!.. Кто более!.. Раз!.. два!.. тр...и! Извольте, отдаю. Я не хочу вас разорять на правосудии. Но, милостивый государь, осмелюсь спросить вас, какими деньгами намерены вы заплатить мне за правосудие -- ассигнациями, золотом или серебром? -- Не угодно ли вам принять от меня взятками? Это уже, наверное, старый... хорошо, я беру взятки,

только по надлежащей оценке. В оценщики возьмем пятерых опытных подъячих, и какую они назначат цену... Ах, я устал!.. Пусть аукционист ведет вместо меня торг по другим статьям и записывает в книгу последнюю цену и звание покупателя: я пойду прогуляться.

Надул же я их! Они заплатили мне два миллиона и два рубля за свое правосудие, тогда как за самих себя положили только, вместе с женщинами, 6 рублей 82 копейки!.. Разгадайте же, прошу, их своенравие! Я хорошо делаю, что съезжаю с сего света: ей-ей, тут нет толку!.. И они думают, что много выиграла, купив все человеческое правосудие!.. Не надо выводить их из заблуждения.

Как бы то ни было, но я вижу, что правосудие есть самая прибыльная статья в этом мире. Бьюсь об заклад, что за все остальные части сего Света не выручу и половины этой суммы.

Но пора воротиться к Тамизье и посмотреть, как идет продажа моего Света. Вот уже ночь. Аукцион, быть может, кончился, и аукционист наделал глупостей. Я забыл сказать е.му, чтоб он человеческую славу продавал при свечах; при дневном свете на ней приметно множество пятен.

Ну, что, сударь? В каком положении мои дела?.. Покажите мне книгу.

Ум продан за 7 копеек. Очень выгодно. Я не надеялся столько. Купил его один барышник.

Словесность -- куплена в Гостиный двор, по 50 рублей с печатного листа.

Науки -- куплены обществом немцев для мелочной ими торговли. Заплачено -- пуд табаку. Мало!

Слава -- куплена шарлатаном. Получено 10 рублей задатку, 18 рублей 25 копеек осталось за ним в долгу. Так и есть, что он продал славу днем! Никто не хотел торговаться, увидев ее при солнечном свете, и шарлатан купил ее за безделицу. А при свечах куда как она хороша!

Авторская знаменитость -- куплена дурным писателем. Не хочу даже знать, за какую цену!..

Счастье... Что вы сделали с счастьем? Зачем не пустили его в продажу? Где оно?

-- Сказать вам правду, сударь, его украли!.. Тут такая тьма народу!

Ох, боже мой! Украли счастье!.. А на него-то полагал я все мои расчеты! Я надеялся получить за него огромные деньги... Пусть же и так: несдобровать этому негодяю, который его спроворил. Он думает, что *со счастьем* будет счастлив? -- Не на то оно придумано!..

Теперь, господа, аукцион кончен. Как скоро счастье украли, остального и продавать не стоит -- отдаю вам его даром. Что же вы еще смотрите? -- Говорят вам, аукцион кончен, и Свет распродан!..

Сенковский О. И. Сочинения Барона Брамбеуса.
– М., "Советская Россия", 1989

П.Я. ЧААДАЕВ

«ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА»

(Впервые опубликовано в журнале "Телескоп" № 15 за 1836 год.

Письмо обращено к Е.Д. Пановой)

Письмо первое

Сударыня <...> Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом

далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

Эта дивная связь человеческих идей на протяжении веков, эта история человеческого духа, вознесение его до той высоты, на которой он стоит теперь во всем остальном мире, — не оказали на нас никакого влияния. То, что в других странах уже давно составляет самую основу общежития, для нас — только теория и умозрение. И вот пример: вы, обладающая столь счастливой организацией для восприятия всего, что есть истинного и доброго в мире, вы, кому самой природой предназначено узнать все, что дает самые сладкие и чистые радости душе, — говоря откровенно, чего вы достигли при всех преимуществах? Вам приходится думать даже не о том, чем наполнить жизнь, а чем наполнить день. Самые условия, составляющие в других странах необходимую рамку жизни, в которой так естественно размещаются все события дня и без чего так же невозможно здоровое нравственное существование, как здоровая физическая жизнь без свежего воздуха, — у вас нет их и в помине. Вы понимаете, что речь идет еще вовсе не о моральных принципах и не о философских истинах, а просто о благоустройстве жизни, о тех привычках сознания, которые сообщают непринужденность уму и вносят правильность в душевную жизнь человека.

Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится на месте. Мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри нас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками, и даже больше, нежели те кочевники, которые пасут свои стада в наших степях, ибо они сильнее привязаны к своим пустыням, чем мы к нашим городам. И не думайте, пожалуйста, что предмет, о котором идет речь, не важен. Мы и без того обижены судьбою, — не станем же прибавлять к прочим нашим бедам ложного представления о самих себе, не будем притязать на чисто духовную жизнь; научимся жить разумно в эмпирической действительности. — Но сперва поговорим еще немного о нашей стране; мы не выйдем из рамок нашей темы. Без этого вступления вы не поняли бы того, что я имею вам сказать.

У каждого народа бывает период бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной. В это время люди становятся скитальцами в мире, физически и духовно. Это — эпохи сильных ощущений, широких замыслов, великих страстей народных. Народы мечутся тогда возбужденно, без видимой причины, но не без пользы для грядущих поколений.

Через такой период прошли все общества. Ему обязаны они и самыми яркими своими воспоминаниями, героическим элементом своей истории, своей поэзией, всеми наиболее сильными и плодотворными своими идеями; это — необходимая основа всякого общества. Иначе в памяти народов не было бы ничего, чем они могли бы дорожить, что могли бы любить; они были бы привязаны лишь к праху земли, на которой живут. Это увлекательный фазис в истории народов есть их юность, эпоха, в которую их способности развиваются всего сильнее и память о которой составляет радость и поучение их зрелого возраста. У нас ничего этого нет. Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, — такова печальная история нашей юности. Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. Ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его предании. Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство, — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в надежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а из детского легкомыслия, с каким ребенок силится встать и протягивает руки к погремушке, которую показывает ему няня.

Истинное развитие человека в обществе еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи. Как вы хотите, чтобы семена добра созрели в каком-нибудь обществе, пока оно еще колеблется без убеждений и правил даже в отношении повседневных дел и жизнь еще совершенно не упорядочена? Это — хаотическое брожение в мире духовном, подобно тем переворотам в истории земли, которые предшествуют современному состоянию нашей планеты. Мы до сих пор находимся в этой стадии.

Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе, и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль; но, обособленные странной судьбой от всемирного движения человечества, мы также ничего не восприняли и из преемственных идей человеческого рода. Между тем именно на этих идеях основывается жизнь народов; из этих идей вытекает их будущее, исходит их нравственное развитие. Если мы хотим занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода. Для этого к нашим услугам история народов и перед нами плоды движения веков. Конечно, эта

задача трудна и, быть может, в пределах одной человеческой жизни не исчерпать этот обширный предмет; прежде всего надо узнать, в чем дело, что представляет собою это воспитание человеческого рода и каково место, которое мы занимаем в общем строе.

Народы живут лишь могучими впечатлениями, которые оставляют в их душе протекшие века, да общением с другими народами. Вот почему каждый отдельный человек проникнут сознанием своей связи со всем человечеством.

Что такое жизнь человека, говорил Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим! Мы же придя в мир, подобно незаконным детям, без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, то нам приходится вбивать в головы ударами молота. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды сами себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это — естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда. Так как мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи, то в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводит в умах и которые составляют их силу. Мы растем, но не созреваем; движемся вперед, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели. Мы подобно тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего; все их знание — в их внешнем быте, вся их душа — вне их. Именно таковы мы.

Народы — в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Но мы, можно сказать, некоторым образом — народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде, чем исполнится наше предназначение?

Все народы Европы имеют общую физиономию, некоторое семейное сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — все же есть общая связь, соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот

и другой всецело сотканы из истории и традиций. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. Каждый отдельный человек пользуется там своей долей этого наследства, без труда и чрезмерных усилий он набирает себе в жизни запас этих знаний и навыков и извлекает из них свою пользу. Сравните сами и скажите, много ли мы находим у себя в повседневном обиходе элементарных идей, которыми могли бы с грехом пополам руководствоваться в жизни? И заметьте, здесь идет речь не о приобретении знаний и не о чтении, не о чем-либо, касающемся литературы или науки, а просто о взаимном общении умов, о тех идеях, которые овладевают ребенком в колыбели, окружают его среди детских игр и передаются ему с ласкою матери, которые в виде различных чувств проникают до мозга костей вместе с воздухом, которым он дышит, и создают его нравственное существо еще раньше, чем он вступает в свет и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это — идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самых событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран.

Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, нежели история, больше, чем психология: это физиология европейского человека. Чем вы замените это у нас?

<...> Иностранцы ставят нам в достоинство своего рода бесшабашную отвагу, встречаемую особенно в низших слоях народа; но, имея возможность наблюдать лишь отдельные проявления национального характера, они не в состоянии судить о целом. Они не видят, что то же самое начало, благодаря которому мы иногда бываем так отважны, делает нас всегда неспособными к углублению и настойчивости; они не видят, что этому равнодушию к житейским опасностям соответствует в нас такое же полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи и что именно это лишает нас всех могущественных стимулов, которые толкают людей по пути совершенствования; они не видят, что именно благодаря этой беспечной отваге даже высшие классы у нас, к прискорбию, несвободны от тех пороков, которые в других странах свойственны лишь самым низшим слоям общества; они не видят, наконец, что, если нам присущи кое-какие добродетели молодых и малоразвитых народов, мы не обладаем зато ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высококультурные.

Я не хочу сказать, конечно, что у нас одни пороки, а у европейских народов одни добродетели; избави бог! Но я говорю, что для правильного суждения о народах следует изучать общий дух, составляющий их жизненное начало, ибо только он, а не та или иная черта их характера, может вывести их на путь нравственного совершенства и бесконечного развития.

Народные массы подчинены известным силам стоящим вверху общества. Они не думают сами; среди них есть известное число мыслителей, которые думают за них, сообщают импульс коллективному разуму народа и двигают его вперед. Между тем, как небольшая группа людей мыслит, остальные чувствуют, и в итоге совершается общее движение. За исключением некоторых

отупелых племен, сохранивших лишь внешний облик человека, сказанное справедливо в отношении всех народов, населяющих землю. Первобытные народы Европы — кельты, скандинавы, германцы — имели своих друидов, скальдов и бардов, которые были по-своему сильными мыслителями. Взгляните на племена Северной Америки, которые так усердно старается истребить материальная культура Соединенных Штатов: среди них встречаются люди удивительной глубины.

И вот я спрашиваю вас, где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит? А ведь, стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, Упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара. Но не такова роль, определенная нам провидением. Больше того: оно как бы совсем не было озабочено нашей судьбой. Исключив нас из своего благодетельного действия на человеческий разум, оно всецело предоставило нас самим себе, отказалось как бы то ни было вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить. Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас. Глядя на нас можно было бы сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь...

Чаадаев П.Я. Статьи и письма.

М, 1987. С. 35—39, 40—42.

В.Г. БЕЛИНСКИЙ

Письмо к Гоголю

("Письмо к Гоголю" впервые опубликовано в "Полярной звезде" А. Герцена (1855, № 1). До этого широко распространялось в рукописях. Письмо — единственное произведение В.Г. Белинского, написанное без оглядки на цензуру).

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного* человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в которое привело меня чтение Вашей книги. Но Вы вовсе неправы, приписавши это Вашим, действительно, не совсем лестным, отзывам о почитателях Вашего

таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если бы все дело заключалось в нем, но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства; нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный с своей страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса. И Вы имели основательную причину хоть на минуту выйти из спокойного состояния духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считал любовь свою наградою великого таланта, а потому, что в этом отношении я представляю не одно, а множество лиц, из которых ни Вы, ни я не видели самого большого числа и которые, в свою очередь, тоже никогда не видали Вас. Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила Ваша книга во всех благородных сердцах, ни о тех воплях дикой радости, которые издали при появлении ее все враги Ваши — и нелитературные (Чичиковы, Ноздревы, городничие и т.п.) и литературные, которых имена Вам известны. Вы сами видите хорошо, что от Вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если бы она и была написана вследствие глубокого, искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление. И если ее принимали все (за исключением немногих людей, которых надо видеть и знать, чтобы не обрадоваться их одобрению) за хитрую, но чересчур перетоненную проделку для достижения небесным путем чисто земных целей — в этом виноваты только Вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что Вы находите это удивительным. Я думаю, это оттого, что Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого Вы так неудачно приняли на себя в Вашей фантастической книге. И это не потому, чтобы Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего *прекрасного далека*; а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть, потому, что Вы в этом *прекрасном далеке* живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение. А вместо этого она представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя

называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостой плетью. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом сне! И в это-то время великий писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давший ей возможность взглянуть на самое себя, как будто в зеркале, — является с книгой, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!*.. И это не должно было привести меня в негодование?.. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления Вашей книги? Нет, если бы Вы действительно преисполнились истиною Христова, а не дьяволова учения, — совсем не то написали бы Вы Вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне — его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он и должен или дать им свободу, или хоть, по крайней мере, пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном в отношении к ним положении.

А выражение: *Ах, ты, неумытое рыло!* Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали Вы его, чтобы передать миру, как великое открытие в пользу и назидание мужиков, которые и без того потому и не умываются, что, поверив своим барам, сами себя не считают за людей? А Ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого нашли Вы в словах глупой бабы в повести Пушкина, и по разуму которой должно пороть и правого и виноватого? Да это и так у нас делается в частую, хотя чаще всего порют только правого, если ему нечем откупиться от преступления: быть *без вины виноватым*. И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления! Не может быть! Или Вы больны — и Вам надо спешить лечиться, или — не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги, — ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь, — это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною

церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл Христова слова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? Ведь это теперь не новость для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что второе когда-то было чем-то, между тем как первое никогда ничем не было, кроме как слугою и рабом светской власти; но неужели же и в самом деле

Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадю, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству, ибо несколько отдельных исключительных личностей, отличавшихся тихой холодной аскетической созерцательностью, ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантством да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас

только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил Вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к Вам, по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю Вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для Вас), только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего *прекрасного далека*: вблизи-то она не так красива и не так безопасна... Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух, он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *religiosa mania*, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!..

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да простит Вас Ваш византийский бог за эту византийскую мысль, если только, передавши ее бумаге, Вы не знали, что творили.

«Но, может быть, — скажете мне, — положим, что я заблуждался, и все мои мысли ложь, но почему же отнимают у меня право заблуждаться и не хотят верить искренности моих заблуждений? — Потому, отвечаю я Вам, что подобное направление в России давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполне исчерпано Бурачком с братиею.. Конечно, в Вашей книге более ума и даже таланта (хотя и того и другого не очень богато в ней), чем в их сочинениях, но зато они развили общее им с Вами учение с большей энергией и с большей последовательностью, смело дошли до его последних результатов, все отдали византийскому богу, ничего не оставили сатане; тогда как Вы, желая поставить по свече тому и другому, впали в противоречие, отстаивали, например, Пушкина, литературу и театр, которые с Вашей точки зрения, если бы Вы только имели добросовестность быть последовательным, нисколько не могут служить к спасению души, но много могут служить к ее гибели. Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя с Бурачком? Вы слишком высоко поставили себя во мнении русской публики, чтобы она могла верить в Вас искренности подобных убеждений. Что кажется естественным в глупцах, то не может казаться таким в гениальном человеке. Некоторые остановились было на мысли, что Ваша книга есть плод умственного расстройтва, близкого к положительному сумасшествию. Но они скоро отступились от такого заключения: ясно, что книга писалась не день, не неделю, не месяц, а может быть, год, два или три; в ней есть связь; сквозь

небрежное изложение проглядывает обдуманность, а гимны властям предержавшим хорошо устраивают земное положение набожного автора. Вот почему распространился в Петербурге слух, будто Вы написали эту книгу с целию попасть в наставники к сыну наследника. Еще прежде в Петербурге сделалось известным Ваше письмо к Уварову, где Вы говорите с огорчением, что Вашим сочинениям о России дают превратный толк, затем обнаруживаете недовольствие своими прежними произведениями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочинениями, когда тот, кто и т.д. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя и еще больше как человека?

Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находя исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератора у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается общим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих талантов, искренно или неискренно отдающих себя в услужение православию, самодержавию и народности. Разительный пример Пушкина, которому стоило написать только два-три верноподданнических стихотворения и надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви. И Вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что Ваша книга пала не от ее дурного направления, а от резкости истин, будто бы высказанных Вами всем и каждому. Положим, Вы могли это думать о пишущей братии, но публика-то как могла попасть в эту категорию? Неужели в «Ревизоре» и «Мертвых душах» Вы менее резко, с меньшею истиною и талантом и менее горькие правды высказали ей? И она, действительно, осердилась на вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мертвые души» от этого не пали, тогда как Ваша последняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тут права: она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги. Это показывает, сколько лежит в нашем обществе, хотя еще и в зародыше, свежего, здорового чутья, и это же показывает, что у него есть будущность. Если Вы любите Россию, порауйтесь вместе со мною падению Вашей книги!...

Не без некоторого чувства самодовольствия скажу Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать Вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать ее по

самой низкой цене, — мои друзья приуныли, но я тогда же сказал им, что, несмотря ни на что книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она памятнее теперь всем статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русского человека глубок, хотя и не развит еще, инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль — довести о нем до сведения публики — была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молиться везде все равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди, или никогда не носившие его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается, с одной стороны, страшною гордостью, а с другой — самым позорным унижением своего человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением, может быть плодом только или гордости или слабоумия, — и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически грязно выразиться не только о других (это было бы только невежливо), но и самом себе — это уже гадко, потому что, если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам сам себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены; Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени. Не истиной христианского учения, а болезненною боязнию смерти, черта и ада веет от Вашей книги. И что за язык, что за фразы! «Дрянь и тряпка стал теперь всяк человек». Неужели Вы думаете, что сказать *всяк* вместо *всякий* — значит выразиться библейски? Какая это великая истина, что когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант. Не будь на Вашей книге выставлено Вашего имени, и будь из нее выключены те места, где Вы говорите о себе как писатель, кто бы подумал, что эта надутая и неопрятная шумиха слов и фраз — произведение пера автора «Ревизора» и «Мертвых душ»?

Что же касается до меня лично, повторяю Вам: Вы ошиблись, сочтя мою статью выражением досады за Ваш отзыв обо мне, как об одном из Ваших критиков. Если бы только это рассердило меня, я только об этом и отозвался бы с досадою, а обо всем остальном выразился бы спокойно и беспристрастно. А это правда, что Ваш отзыв о Ваших почитателях вдвойне не хорош. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своим восторгом ко мне только делает меня смешным; но и эта необходимость тяжела, потому что как-то по-человечески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но Вы имели в виду людей, если не с отменным умом, то все же и не глупцов. Эти люди в своем удивлении к Вашим творениям наделали, быть может, гораздо больше восторженных восклицаний, нежели сколько высказали о них дела; но все же их энтузиазм к Вам выходит из такого чистого и благородного источника, что Вам вовсе не следовало бы выдавать их головою общим их и Вашим врагам, да еще вдобавок обвинить их в намерении дать

какой-то предосудительный толк Вашим сочинениям. Вы, конечно, сделали это по увлечению главной мыслью Вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземский, этот князь в аристократии и холоп в литературе, развил Вашу мысль и напечатал на Ваших почитателей (стало быть, на меня всех более) чистый донос^[74]. Он это сделал, вероятно, в благодарность Вам за то, что Вы его, плохого рифмоплета, произвели в великие поэты, кажется, сколько я помню, за его «вялый, влачащийся по земле стих». Все это нехорошо! А что Вы ожидали только времени, когда Вам можно будет отдать справедливость и почитателям Вашего таланта (отдавши ее с гордым смирением Вашим врагам), этого я не знал, не мог, да, признаться, и не захотел бы знать. Передо мной была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого, и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду. Живя в России, я не мог бы этого сделать, ибо тамошние Шпекины распечатывают чужие письма не из одного личного удовольствия, но и по долгу службы, ради доносов.

Но нынешним летом начинающаяся чахотка погнала меня за границу <...>. Неожиданное получение Вашего письма дало мне возможность высказать Вам все, что лежало у меня на душе против Вас по поводу Вашей книги. Я не умею говорить вполнину, не умею хитрить: это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я заблуждался в моих об Вас заключениях — я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь в том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или Вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас: тут дело идет об истине, о русском обществе, о России. И вот мое последнее заключительное слово: если Вы имели несчастье с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние.

Зальцбрунн 15 июля 1847 г.
Белинский В. Г. Полн. собр. соч.
Т. 10. С. 212—220.

А.С. ПУШКИН

Несколько слов о мизинце г.Булгарина и о прочем

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно, как *Пролаз с Высоносом*, говоря в похвальбу себе и в утешение

«Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе».

Нет; рассердись единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа, перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего А.А. Орлова, попал я на следующее место:

— *«Я решился на сие»* — (на оправдание г. Булгарина) — *«не для того, чтобы оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов»* (см. № 27 «Сына Отечества», издаваемого гг. Гречем и Булгариным).

Изумился и, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманые строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. Булгарина в мизинце, и теперь догадываюсь, кому *Николай Иванович* думал погрозить мизинчиком *Фаддея Бенедиктовича*.

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. издатель *«Телескопа»*? Вероятно, мстительный *мизинчик* указывает и на вас: предоставляю вам самим вступить за свою голову. Но кто же другие?

Г-н Полевой? Но несмотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище *Верхогляда*^П и проч. и проч., *всей Европе известно*, что *«Телеграф»* состоит в добром согласии с *«Северной Пчелой»* и *«Сыном Отечества»*: мизинчик касается не его.

Г-н Воейков? Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием *Хамелеонистики*, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели *«Северной Пчелы»* уже верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый вышеупомянутый *мизинчик*.

Г-н Сомов? Но кажется *«Литературная Газета»*, совершив свой единственный подвиг — совершенное уничтожение (литературной) славы г. *Булгарина*, — почует на своих лаврах, и г. *Греч*, вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя Газету проказливым *мизинчиком*.

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих — и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о Феофилакте Косичкине.

Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы вышло у нас из печати в течение последнего десятилетия (шагнувшего так далеко вперед) и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из гг. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество *Феофилакта Косичкина*? Может быть, по примеру г. Полевого я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И что ж! Г-н *Греч* в журнале, с жадностию читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! Полагаю себя вправе объявить во услышание всей Европы, *что я ничьих мизинцев не боюсь; ибо не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои (каждый особо, и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi!*

Взявшись за перо, я не имел, однако ж, целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам — (разумею слово сие в его ироническом смысле) — я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования.

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я *А. А. Орлова* — (статья, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию) не ожидал я, чтоб «Северная Пчела» возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного «*Сына Отечества*», издевавшегося над нашей древнею Москвою.

«Северная Пчела» (№ 201), объявляя о выходе нового «*Выжигина*», говорит: «Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего блаженного г. *А. Орлова*, знаменитого автора... Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев *пятнадцатого класса*... приводит нас в невольный трепет». «*Блаженный г. Орлов*»... Что значит *блаженный Орлов*? О конечно:

если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога, — то добрый и небогатый *Орлов* блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодя, ни известности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено в смысле, коего здесь изъяснить не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостию оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую, как и нравственные размышления г. *Булгарина*: «чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Филдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими асессорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностию и добросовестностию, а не фигляры и не наглецы».

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели «*Северной Пчелы*», «*Сына Отечества*» и «*Северного Архива*» не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успеха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: «этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный».

Между тем полагаю себя вправе объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, *смотря по обстоятельствам*:

Настоящий Выжигин **историко-нравственно-сатирический роман XIX века**

Содержание

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре. Воспитание ради Христа. **Глава II.** Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. **Глава III.** Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! **Глава IV.** Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. **Глава V.** Ubi bene, ibi patria. **Глава VI.** Московский пожар. Выжигин грабит Москву. **Глава VII.** Выжигин перебегает. **Глава VIII.** Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. **Глава IX.** Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный. **Глава X.** Встреча Выжигина с Высухиным. **Глава XI.** Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним

к знатной особе. **Глава XII.** Танга. Выжигин попадает в дураки. **Глава XIII.** Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! **Глава XIV.** Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностью объявляют о том почтенной публике. **Глава XV.** Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. **Глава XVI.** Видок, или маску долой! **Глава XVII.** Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. **Глава XVIII** и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 211—215.

Учебное текстовое электронное издание

Подгорская Анна Вячеславовна

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ**

Практикум

Ответственность за содержание возлагается на авторов
Издается полностью в авторской редакции

0,6 Мб
1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2022 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации
Библиотечно-информационный комплекс
e-mail: bik@magtu.ru